

БЕЛЫЙ ЛАМА

Роман

КНИГА I

МЕРАБ РАТИШВИЛИ

12+

Белый лама

Мераб Ратишвили
Белый лама. Книга I

«ЛитРес: Самиздат»

2014

Ратишвили М. Г.

Белый лама. Книга I / М. Г. Ратишвили — «ЛитРес: Самиздат»,
2014 — (Белый лама)

Роман посвящается адептам и медиумам тайных учений, которые традиционно находятся в бескорыстном служение человечеству. Во время чтения романа у читателей разных вкусов и восприятия возникают идентичные ощущения, что они думали о тех мистических и сверхприродных возможностях, которыми обладают герои романа, но не могли проникать в глубины этих явлений. Видимая и невидимая мистическая борьба героев романа покрывает многие континенты и страны на протяжении всего 20-го столетия и приоткрывает занавесь тех сакральных географических мест, исторических событий и персонажей, которые и сегодня остаются под покровом великой тайны.

© Ратишвили М. Г., 2014

© ЛитРес: Самиздат, 2014

Содержание

Вместо предисловия	6
ГЛАВА ПЕРВАЯ	10
ГЛАВА ВТОРАЯ	24
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	42
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Человек – мера всех вещей
Философ Протагор
Ок. 490 до н.э. – ок 420 до н.э.

Вместо предисловия

*Бессмысленно барахтаться у берега
и утверждать при этом, что в море нет жемчуга.
Нужно заплывать подальше и нырнуть поглубже.*

Мифическая, таинственная страна Шамбала, обитель духовных мудрецов, в нее люди стремились с древнейших времен. Ее обитателей, мудрейших из мудрых, народы, в жизни которых они оставили след, называли по-разному: махатмами, ману, риши, буддами, аватарами, бодхисаттвами, адептами Белых Братьев¹. Попастъ в Шамбалу могли только избранные, наделенные особой мудростью люди, заслужившие такое приглашение своей благочестивой и богоугодной жизнью. Часто, когда народам и странам нужна была помощь для того, чтобы выжить, они вставали рядом с людьми и творили добро ради добра, а не ради славы – именно в этом проявлялись их мудрость, любовь и милосердие.

В наше время люди, во всяком случае просвещенная их часть, уже пришли к осознанию того, что Вселенная вечна, а человечество – преходяще, оно, словно выполняя заданную из Космоса программу, то покидает эту грешную землю, то вновь на нее возвращается. Для нашей цивилизации невидимые Веды перевели с потустороннего языка на санскрит и записали их в тысячах видимых книг великие мудрецы – Риши. Вот некоторые их имена: Нанди Девар, Агастьяр (Гермес), Тирумолар, Боганатар (Лао-Цзы), Конканавар, Мачьямуни, Горакнат (Бабаджи). Эти ученики Шивы с незапамятных времен живут на земле в своих недостижимых для простых смертных ашрамах. Риши, как и махатмы Шамбалы, помогают наземному человечеству своими мысленными подсказками-посланиями. Так вот, согласно ведическим книгам, переписанным с «Хроник Акаши», Шамбала – это высокоразвитая духовная страна, существующая одновременно в трех мирах: астральном, эфирном и физическом.

В Шамбалу никто не попадает без приглашения. Мало и тех, что были приглашены и попали туда в форме тонких тел². Еще меньше тех, кто в плотной физической форме вступил в духовную страну Шамбалу. Самые известные, опытные и просвещенные исследователи не смогли проникнуть туда и были вынуждены довольствоваться лишь беседой с теми, кому выпала честь узреть эту невидимую страну. А таких исследователей было много, среди них россияне Николай Рерих³ и Елена Блаватская⁴.

Одним из тех, кому повезло путешествовать в этой недостижимой стране, был китайский исследователь, ученый, доктор Лао-Дзин, который, как оказалось впоследствии, нарушил-таки обет молчания, данный им обитателям Шамбалы, и приоткрыл, правда лишь частично, тайну местонахождения одного из ашрамов братства. Частично, вероятно, потому, что, во-первых, видел все лишь мельком, поскольку не был посвященным, а во-вторых, даже если бы и увидел больше, то передать все равно бы не смог – его бы сразу остановили, возможно и навсегда, невидимые силы.

На основании рассказов доктора Лао-Дзина несколько восточных газет, в том числе The Shanghai Times, а затем и западная пресса, опубликовали несколько статей. Рассказывая о

¹ Белые Братья – члены Гималайской Общины. Не путать с современной тоталитарной сектой – Великим Белым Братством или с Всемирным Белым Братством.

² Тонкие тела, согласно представлениям некоторых религиозных, мистических и оккультных учений – одна из психодуховных составляющих всех живых существ. В соответствии с этими представлениями люди состоят не только из физической формы материи, но и «жизненной энергии», существующей вокруг тела.

³ Николай Константинович Рерих [(1874–1947) – русский художник, философ, мистик, писатель, путешественник, археолог, масон, поэт, педагог.

⁴ Елена Петровна Блаватская (1831–1891) – философ, писательница и путешественница.

своем путешествии в Шамбалу, доктор поведал, как вместе с непальским проводником-йогой, они вышли из монгольской пустыни, пересекли суровые горные массивы и набрали на поселение людей, занятых постижением высшей мудрости. Он описывает увиденную там библиотеку, лабораторию, хранилище, чудесную Башню Шамбалы. Причем его описания этого величественного поселения абсолютно соответствуют описаниям из других малоизвестных источников. Лао-Дзин рассказывает о проводящихся в Шамбале блестящих научных исследованиях, о телепатических посланиях на большие расстояния, об использовании магнитных полей и различных лучей. Эта информация вызвала сенсацию во всем мире, что и неудивительно. Это путешествие в Тибет оказалось очень трудным. В своей статье Лао-Дзин описывает его так:

«После двух месяцев пути по пустыне Гоби и труднопроходимым горным хребтам Северного Тибета мы наконец достигли какого-то заснеженного нагорья, высотой приблизительно 15 тысяч футов (примерно 4570 метров. – Прим. ред.) над уровнем моря. Велико было наше изумление, когда вдруг далеко внизу мы увидели зеленеющую долину, плодородная природа и тепло которой являли разительный контраст с пустынными снежными горами, среди которых мы находились. По одну сторону долины мы увидели мощную группу красивых зданий, которые возвышались над верхушками деревьев. Именно здесь, как я узнал позже, и находился часто упоминаемый «Храм Жизни», вместе со зданием библиотеки, астрологической башней (наподобие тех, что строились древними халдейскими мудрецами), зданиями лабораторий и другими строениями. Эти здания, сложенные из черного базальта и серого гранита, стоят сейчас так же, как они стояли еще во времена Чингисхана. Они древнее Великой Китайской стены, древнее самых старинных индийских пагод и, возможно, древнее даже египетских пирамид». (Забегая вперед, отмечу, что описание этой башни и зданий очень напоминает башни и строения поселения Пхови и Сванетии, до сих пор сохранившиеся в Грузии).

По утверждению доктора Лао-Дзин, братство Шамбалы расположено в цветущей, плодородной долине Северного Тибета, которая окружена непроходимыми горами. Там он и его спутник встретили около двухсот мудрецов и их учеников, принадлежавших к двадцати различным народам. Большинство из них были тибетцы, индусы и китайцы. Но также и шесть русских, несколько иранцев и немцев, один француз, один бельгиец и один голландец.

Доктор Лао-Дзин писал, что все подвижники, жившие в этом месте, давали обет молчания, свято храня тайну своей обители. И потому это загадочное место до наших дней остается одной из величайших тайн мира. «Случайные путники, которые достигали этого священного места, или оставались там навсегда, или умирали от трудностей и лишений на обратном пути. Те немногие, которым суждено было вернуться, были связаны клятвой не разглашать ничего из того, что они видели и слышали». Китайский ученый писал о том, что назначение «Храма Жизни» состояло в исследовании возможностей человеческого духа: «Может быть, это единственное место на земле, где люди различных религиозных верований могут встретиться, объединенные общими устремлениями, и сосредоточить все свои силы на решении проблем, имеющих величайшее значение для блага всего человечества».

Доктор Лао-Дзин отмечал также, что обитатели чудесной долины жили совершенно обособленно и независимо от остального мира. Что все необходимое для жизни и работы они создавали своим собственным трудом. Вместе со своими учениками сами обрабатывают землю, выращивая овощи и фрукты. Они сами ткут необходимые для производства одежды ткани. Питаются отшельники исключительно растительной пищей. Благодаря горячим подземным источникам, вытекающим на поверхность, в этой долине всегда тепло. Почва долины очень плодородна и способна прокормить несколько сот человек.

Самой большой ценностью обители является огромная библиотека со множеством рукописей, а также карт и различных приборов, используемых в их научных исследованиях.

Китайскому ученому Лао-Дзину разрешено было прожить в долине Шамбалы три месяца. За это время он стал непосредственным свидетелем необычных психоэнергетических

феноменов. Доктор Лао-Дзин побывал в одном из книгохранилищ Братства, где были представлены уникальные манускрипты на древнейших языках мира. С большинством этих рукописей Лао-Дзин не смог познакомиться, так как владел только китайским, монгольским и русским языками. Китайскому ученому было также разрешено осмотреть различные лаборатории с удивительными приборами и инструментами. Китайский путешественник посетил обсерваторию и знаменитую башню, описанную и другими авторами, побывавшими в Шамбале.

Описывая свои впечатления, китайский ученый останавливался в основном на внешних деталях, подчеркивая, что о различных духовных феноменах, свидетелем которых он был, ему не позволено рассказывать.

Лао-Дзин ограничился лишь кратким упоминанием о паранормальных психодуховных возможностях, свойственных служителям обители, – ясновидению, яснослышанию, телепатии и других сверхъестественных способностях. Упоминает доктор Лао-Дзин и о необычных экспериментах, при которых ему было разрешено присутствовать. Во время этих экспериментов он видел, как адепты не только левитировали, свободно поднимаясь в воздух, но и становились невидимыми для физического зрения. Доктор Лао-Дзин упоминает также о том, что срок жизни адептов, населяющих чудесную долину, исчислялся столетиями, хотя все они выглядели как люди средних лет.

Исследователем подобных удивительных вещей был мой хороший знакомый Георгий Бязирев, который за годы исследований приоткрыл завесу над многими странными и неразгаданными явлениями. Я был очень опечален, когда узнал, что в 2010 году, будучи еще молодым человеком, он скончался. И мне вспомнилось одно его высказывание: «Самая большая честь для человека – это когда его вспоминают после смерти». Действительно, оставшиеся в памяти слова и образы от нас ушедших важны, как для нас, живых, так и для умерших, поскольку, пока мы живы и храним эту память, живы и те, кто уже покинул эту грешную землю. Так вот, когда я узнал о смерти Георгия, я постарался восстановить в памяти рассказанную им мне много лет назад историю про одного посвященного, адепта Белых Братьев – грузина по национальности, который прожил необычную и в то же время увлекательную жизнь длиной более чем в век. Необычную потому, что материальная сторона жизни для него была мало важна, он отказался от всего бренного, многому сам научился и научил других. Он выдержал и преодолел такие удары и издевки судьбы, что на его месте обычный смертный был бы обречен.

Георгий познакомился с ним в тибетском монастыре в 90-е годы, и уже тогда этому человеку было более ста лет. В монастыре его называли «Белый лама» и относились к нему как к святому. Белый лама был один из тех немногих, кто не только побывал в таинственной Шамбале, но и некоторое время, семь или восемь месяцев, учился в ашраме Белого Братства. Он был единственным адептом Белого Братства не только в том монастыре, но и во всем Тибете. Ему выпала особая честь – после перехода в Атман⁵, его астральное тело должно было переселиться в духовную страну Шамбалу.

О национальности и происхождении Белого ламы мало кто знал, поскольку всех, кто был родом из Российской империи или, позднее, из Советского Союза, называли русскими, хотя в то время, когда Георгий с ним познакомился, этот человек был гражданином Тибета, в дальнейшем КНР и Великобритании. Как выяснил Георгий, именно в то время, когда доктор Лао-Дзин вместе со своим непальским проводником достиг ашрама Белого Братства и провел в нем три месяца, одним из молодых посвященных в нем был будущий Белый лама, которого Лао-Дзин упомянул среди «русских». И Белый лама подтвердил это Георгию во время их встречи в монастыре Ташилумпо: да, Лао-Дзин гостил у них в то время в ашраме.

⁵ Атман – в индийской философии вечная, неизменная духовная сущность. Термин, используемый для описания высшего «Я», человека и всех живых существ.

Для того чтобы точнее восстановить в памяти рассказ Георгия, я разыскал его труды, что открыло мне путь к написанию этого романа. Поступая так, я не нарушаю какие-либо этические правила: Георгий сам хотел написать книгу об этом человеке, для чего собирался приехать в Грузию для сбора дополнительной информации и поисков его близких. Понятно, что и эту историю он рассказал мне потому, что тот старик был моим соотечественником, и я мог бы как-то помочь ему в его поисках. Однако Георгий не успел выполнить задуманное, но я уверен, что столь талантливый человек наверняка написал бы замечательную книгу. Поэтому, берясь за перо, я в чем-то исполняю его желание.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Нинико не радовалась, когда шла в школу, и никогда не спешила, но не потому, что не любила учиться или ей было трудно, наоборот, она была лучшей ученицей в классе и считалась самой способной. По сравнению с другими учениками на нее обращали большее внимание, наверное, и это создавало неловкость, но причина все-таки была в другом: она не хотела терять времени на школу. Ей не о чем было разговаривать с девочками. Как только звенел звонок, она бежала домой. Деревенские сплетни, пересказ вчерашних новостей, увиденных по телевизору, и обсуждение городских жителей ее не привлекало.

Нинико жила с бабушкой в высокогорном хевсурском селе Барисахо. Раньше их семья была многочисленной, известной во всем Хевсурети. Родители Нинико погибли в дороге, когда ехали на автобусе в Тбилиси. До этого умер старший брат. Тогда она еще не ходила в школу. Один дядя, младший брат отца, погиб в Афганистане, второй – старший – жил в Тбилиси. Он был врач, и, по словам бабушки, этот сытый горожанин не походил на хевсура. Он изредка приезжал летом со своей семьей на две-три недели отдохнуть и заодно исполнить сыновний долг. Этим все и кончалось. Больше он не показывался. Деньги, правда, посылал, но разве этого было достаточно, чтобы старый отец и осиротевшая племянница почувствовали семейное тепло? У нее была и тетя по материнской линии, ее тезка, она проявляла к девочке поистине материнское тепло и старалась не обделить вниманием. Однако у нее была своя семья, да и здоровье не позволяло делать больше, поэтому Нинико сама управляла домом. Переваливший за семьдесят бабушка, несмотря на превратности судьбы, выглядел бодро. Он оплакал всех, но сам не давал остыть дому предков.

– Мой долг до конца нести ношу, потом меня заменит внучка!

Так говорил старик. Держался он очень бодро, так, как подобало его роду. Все же возраст о себе напоминал, и Нинико выпадала забота о бабушке.

На радость Нинико, бабушка Ладо болел редко, все еще был полон сил, и трудно было заставить его без дела. Если управлялся вовремя с делами, он надевал на нос очки и читал газету или журнал.

Ладо Ликокели был потомком известных хевсурских врачей. По материнской линии он был потомком знаменитого врача Бадзиа Шатилиони. Их семья состояла в родстве со многими благородными семьями Пшав-Хевсурети: Арабули, Чинчараули, Бучукури, Гигаури – и кто сосчитает с кем еще. Все эти семьи чем-то были связаны с врачеванием и передавали друг другу некоторые знания. Как он рассказывал, его предки были из рода Шубани. Его прадед был Мгелика Ликокели, известный во всей Хевсурети и Грузии целитель. Он был вооружен древними знаниями и проводил такие операции, каких не делают даже сегодня. А вот своего деда – Георгия Ликокели – бабушка Ладо хорошо помнил, он тоже был известный целитель и к тому же дипломированный врач.

Бабушка Ладо часто рассказывал о том, что их дальний предок Хогаи Миндиа был героем сказания. Он оставил своим потомкам знания, которые передавались только одному члену семьи. Бабушка Ладо говорил, что Хогаи передал свои знания дочери, и она стала женщиной-жрецом Пхови. Он часто повторял:

– Мы из рода Хогаи, древнейшего из древних, лучшего из лучших. Нашим долгом было хранить пховцев от всех болезней, от всех набегов, чего бы это нам не стоило! В нашем роду были самые образованные люди, и во все села посылали по одному человеку из наших для их поддержки. В Муцо, еще в незапамятные времена, был монастырь, где наши предки еще с тех времен растили целителей. Нашим родом в Пхови построено несколько деревень, в которых хранились знания. А самым образованным человеком, какого когда-либо знали в нашем роду, был мой дед, – с гордостью рассказывал бабушка Ладо.

Фамилия Ликокели происходит от названия деревни, которая до того была стоянкой жрецов и выполняла функцию монастыря, где передавали тайные знания лекарям, а позже превратилась в деревню. Было время, когда по решению жреца лекарь из Ликокели должен был быть во всех долинах. Поэтому часто семьи отдавали своих детей на воспитание в монастырь. Где не было лекаря, селился один из Ликокели. Ликокели были неприкосновенными для всех общин, все были обязаны защищать и помогать им.

Нинико тогда исполнилось четырнадцать лет.

Она росла прелестной девушкой. Как говорили ее односельчане, она была такой нежной и воздушной, что не оставляла на земле следов. Внешне девочка была похожа на отца, но дедушка Ладо говорил, что она в его деда – Георгия. Но на кого бы она ни была похожа, Нинико отличалась от всех своими чудными глазами. Первый же взгляд на нее поражал постороннего, поскольку у нее один глаз был зеленый, а другой медового цвета. Красоту этих глаз невозможно было забыть. К этим глазам очень шла белизна ее лица и очень правильные утонченные черты. Изящные, чуть оттопыренные уши делали ее лицо еще более красивым. Ее красота была увенчана густыми волосами цвета спелой пшеницы, с короткой челкой на лбу и косой толщиной с запястье.

Одеждой она особенно не отличалась, но что бы она ни надела, все было ей к лицу. Есть люди, которым все подходит, и этим они еще больше отличаются от окружающих. Именно к числу таких людей относилась и Нинико. А традиционное хевсурское платье, которое было у нее с детства, поразительно шло ей. Сначала платья ей шила мама, потом тетя. И так, сменяя друг друга, они одевали ее как куколку. А когда она выросла, то научилась шить сама и украшала свой наряд все новыми и новыми вышивками, которые находила на старых хевсурских фотографиях. Она узнала значение многих орнаментов и очень бережно сохраняла их рисунок во время вышивания. Нинико умела многое помимо шитья и вышивания. Все могла и умела, что требовалось в семье.

Во время всех праздников девочка, одетая в хевсурское платье, появлялась в деревне. Если другие стеснялись надевать традиционную одежду, она, наоборот, с гордостью носила ее. Всем нравилась ее верность традициям, но особенно это любил в ней дедушка. Он радовался, когда видел ее в традиционном наряде, и всегда говорил:

– Ты мне и внук и внучка, ты радость дедушкина и единственная надежда.

Вот уже год, как Нинико очень изменилась. Ее переходный период и становление прошли быстрее, чем обычно бывает у девочек ее возраста. Она и раньше хорошо училась, но теперь проявляла прекрасные способности. Одни учителя объясняли это старательностью, другие говорили о хороших генах ее семьи.

И правда, все ее предки – и с материнской и с отцовской стороны – были особенными, образованными и выдающимися людьми. Она и сама слышала от близких множество интересных рассказов о своих предках и чтела их память. Но все-таки в последний год она сильно изменилась.

Эта история произошла почти год назад, и все началось, когда в один выходной день Нинико проводила уборку дома и двора. Когда очередь дошла до кладовки во дворе, в глаза ей бросился большой старинный сундук, окованный железными обручами и запертый на замок. Он стоял в углу и использовался только как подставка. Нет, она и раньше знала об этом сундуке, но поскольку на нем всегда что-нибудь лежало, она не обращала на него внимания. Сейчас почему-то она остановила на нем взгляд. Попробовала открыть, но тщетно. Ни один ключ из найденных в доме не подошел. У дедушки она не спросила. Прошло несколько дней, и дедушка сам завел разговор о сундуке:

– Ты хорошо убрала кладовку, и сундук моего деда так почистила, что он выглядит как новый.

Вот тогда вспомнила Нинико о замке и спросила у дедушки про ключ.

Дедушка сказал:

– Когда в тридцать восьмом году, осенью, моего деда Георгия арестовали, ключ должен был быть у него, поскольку он его никому не доверял. Второй вроде должен был быть дома, но мы не смогли его найти. А отец сказал нам: «Внутри сундука дух Гуданского Святого Георгия, и кто попытается открыть сундук без разрешения деда Георгия, будет поражен, как дракон. Раз мой отец не доверял нам ключи, значит, нам его открывать не полагается, поэтому даже не пытайтесь открывать или взламывать его без ключа!»

Ну, мы и не прикасались к нему. Я ведь тебе и раньше говорил, что мой отец тоже был очень странным, не говоря о дедушке. Он тоже верил в знаки и никогда не прекословил отцу, поэтому и мы не ослушались его и не притрагивались к сундуку. А потом мы о нем и забыли. Стоит себе и стоит как семейная реликвия, много места он не занимает, так пусть стоит в память о нем. Пусть его душа здесь живет, в его семье. Ученым человеком был мой дед, глубоко образованным, сильным, породистым, весь мир повидал, не то что мы, его сын и внуки, которые вон дальше Тбилиси не выходили. Ему было всего сорок пять, когда его увели люди из большевистского Энкаведе, а потом он пропал. Насколько мы знали, его сослали в Сибирь, но он оттуда сбежал. После этого его искали, несколько раз и сюда приходили из милиции. Я был маленьким, но хорошо помню. Когда прошло немного времени, наш тбилисский родственник рассказал моему отцу, что в Сибири он, оказывается, убил конвоира и бежал в сторону Китая. Возле китайской границы тоже кого-то убили, какого-то военного, и обвиняли в этом моего деда, а после этого его и след простыл.

Так закончил рассказ дедушка Ладо.

После того, как дедушка рассказал эту историю, прошло два дня. Ночью Нинико приснился прадед, которого она никогда не видела, а знала только по фотографии. Сон был очень ясным, прадедуска точно указал ей, где находится ключ от сундука. И к тому же предупредил, чтобы она осторожно относилась к тому, что там увидит.

– Порошок не трогай, ты еще маленькая, и к тому же девочка, поэтому остерегайся. Когда все изучишь и достигнешь совершеннолетия, сама решишь, использовать его или нет, – сказал ей дедушка Георгий во сне.

Когда Нинико проснулась, было уже светло. Дедушки нигде не было видно, в тот день он собирался ехать в город, а до того должен был зайти в магазин. Девочка сразу вскочила с постели, оделась и спустилась в кладовку. Как подсказал ей прадед, она оттащила сундук в сторону. Он показался ей тяжелым, но она чувствовала в себе такую бьющую через край энергию и интерес, что легко с ним справилась. Под сундуком она увидела крышку, на которой была спрессованная земля. На высохшей земле вдоль крышки была видна трещина. Сначала она думала, что это квеври (зарытый в землю большой кувшин для вина). Девочка взяла лопату, осторожно вставила ее в трещину и осторожно нажала вниз. Крышка со скрежетом поддалась. Она легко отодвинула крышку в сторону и внутри увидела маленькую деревянную кадучку, в которой была запыленная белая фарфоровая баночка. Она осторожно достала ее, вытерла пыль и открыла. В ней лежал пожелтевший лист бумаги и ключ, который предварительно был завернут в промасленную бумагу, а потом еще и в ткань. С трудом отделив ключ от бумаги, девочка вставила его в замок. Она долго мучилась и наконец открыла замок. От волнения учащенно билось сердце, случившееся она сама считала чудом. Она не стала сразу открывать сундук, а сначала прикрыла крышкой тайник и с трудом пододвинула сундук на место. Это оказалось сложнее, чем отодвинуть его. После этого она перевела дух и села рядом с сундуком на табурет с тремя ножками. Девочка развернула пожелтевший лист бумаги и стала читать написанный химическим карандашом, местами не поврежденный текст. Почерк трудно было разобрать, но она все же смогла вычитать все важное.

«Гига, сынок, если тебе предстоит открыть этот сундук, отнесись к нему очень бережно, как к матери, как к нашей святыне, оставшемуся от предков знанию. Ты должен очень внимательно изучить все сам и затем тайно передать сыну, а то черт не дремлет... Пока хорошо не разберешься и не познаешь все, ничего не делай, а к порошку даже не прикасайся... Если кто-либо другой найдет оставленное мною, пусть уважает кости предков и сохранит это учение в тайне... Да хранит тебя Гуданский крест!

Твой отец Георгий

1 июня 1938 года».

Девочка вышла во двор, осмотрелась. Не увидев ничего подозрительного, она вернулась назад. Теперь уже смелее открыла сундук. В лицо ей бросился запах древности и кожи, хотя запаха сырости не было. Сундук не был поврежден ни мышами, ни насекомыми. Изнутри он оказался покрытым кожей. Сверху лежал когда-то белый, а теперь пожелтевший от времени холст. Она осторожно отложила в сторону это покрывало, на черной ткани лежал почерневший серебряный кинжал с поясом. Она свободно вытащила кинжал из ножен, он не застревал и не был заржавлен, как будто его только вчера положили. Сначала она проверила его остроту, потом щелкнула, и он зазвенел как колокол. Этот звук был приятен и подбодрил девочку. Затем она положила кинжал с поясом на полку, достала и развернула черную ткань. Это была рубашка, с застежкой на четыре пуговицы, уже поврежденная временем и выцветшая. Ниже лежало бесчисленное количество вещей: с одной стороны – старые книги и связанная стопка бумаг, а под ними связка газет на разных языках. В правом углу сундука был виден инкрустированный ларец, на крышке которого был изображен позолоченный дракон. Она достала ларец и положила на скамью, потом осторожно открыла замочек золотого цвета. Подкладка у него была из бордового бархата. Сверху лежала толстая деревянная лакированная пластина с отделениями, в которых помещались раскладные аптечные весы с гирями, большая кисть с серебряной рукояткой, две тонкие палочки и две потолще, несколько маленьких фарфоровых чашечек, вложенных друг в друга по размеру, в которые могло поместиться не более глотка воды. По бокам деревянной пластины она увидела тонкие серебряные рукоятки и поняла, что ее можно было снять. Она так и сделала: осторожно подняла обеими руками пластину и переложила ее на столик. Под ней она увидела несколько запечатанных эмалированных баночек, на крышках которых были нарисованы цветы. Она заметила также коричневый бархатный кисет и сначала достала его. Он показался ей тяжелым. Девочка развязала узел закрученной тесьмы, и у нее захватило дыхание. Тут же она почувствовала учащение пульса, в ушах слышался шум ускоренно бьющегося сердца. Она высыпала себе на колени золотые червонцы. Девочка забыла обо всем, глаза у нее затуманились, и она ничего вокруг не видела.

Нет, это случилось с ней не от жадности, она не была жадной или любительницей золота. Это был шок от неожиданности. Некоторое время она сидела на треноге пораженная, а когда немного пришла в себя, решила посчитать, но передумала. Такие монеты она видела в музее, поэтому в том, что они настоящие, она не сомневалась. Когда немного успокоилась, вернула монеты на прежнее место. После нескольких неудачных попыток, она все-таки смогла завязать кисет, как было, и положила обратно в ларец. Потом она взяла одну баночку и осторожно открыла ее, в ней до половины была насыпана белая, очень мягкая пудра с нежным ароматом. Она сразу же вспомнила слова бабушки Георгия: не трогай порошок! Нинико сразу закрыла баночку и положила ее на место. Теперь она взяла вторую баночку, на которой сверху была изображена ранее где-то ею виденная кисть руки и незнакомое растение. Она заглянула и увидела желтоватый порошок, похожий на сахар. Девочка сочла это сахаром, любопытство взяло свое, и она мягко ткнула в него пальцем. На пальце почти ничего не осталось, возможно, только крошечная частичка пыли. Приложив палец к языку, она даже не почувствовала вкуса, он не был сладким, ни на что не был похож, и девочка закрыла его. Не заглянув в третью и четвер-

тую баночки, она закрыла шкатулку на замок и положила обратно в сундук. Нинико достала несколько книг. Одна была написана на французском языке, вторая на английском, а третья – на древнегреческом. Четвертая была написана от руки по-грузински, и девочка сразу же подумала, что ее, должно быть, написал дедушка Георгий. Она достала и книгу с красным переплетом, лежавшую под ларцом. Она оказалась тоже грузинской рукописью. Взяв эти две книги, девочка положила остальные в сундук, закрыла его и только тогда заметила, что забыла положить кинжал. Она опять открыла сундук, положила кинжал с поясом и закрыла. Две книги и фарфоровую банку, в которой лежали ключ и письмо, она взяла с собой. Когда Нинико вышла во двор, у калитки она увидела дедушку. Сразу же мелькнула мысль, что дедушка не должен был видеть эти книги. Нинико быстро взбежала по нескольким ступенькам и вошла в дом. Книги и банку она спрятала в шкафу в своей комнате, потом вышла к нему на встречу. Дедушка Ладو возвращался из магазина с продуктами. Она взяла у него сумки и отнесла на кухню, дедушка пошел за ней. Он выпил воды из кувшина и сказал:

– Завтракай без меня, я еду по делу в город, вечером вернусь на автобусе.

Он поцеловал ее в лоб и вышел во двор.

Через некоторое время у Нинико возникло странное чувство, она ощутила недомогание, но не могла объяснить, что с ней было. Болеть вроде ничего не болело, но в глазах был туман, и голова кружилась. Она подумала, что это от волнения. Девочка прилегла на кровать и закрыла глаза. Сразу же в голове все закружилось: потолок, дверь, стол, шкаф, – все кружилось вокруг нее. Испугавшись, она открыла глаза, но ничего не изменилось, все еще кружилось вокруг нее даже быстрее прежнего. Она стала учащенно дышать, началось сильное сердцебиение. Некоторое время она лежала одурманенная, стараясь привыкнуть к этому состоянию. Она уже испытывала нечто похожее, когда у нее была высокая температура, но лишь несколько секунд, а сейчас у нее температуры не было. И к тому же это головокружение началось у нее абсолютно неожиданно. Через некоторое время это прошло, но начались страшные видения, и она в испуге закричала. Она видела маму. Ей ясно виделись ее роды, она видела собственное рождение из утробы матери. Она наблюдала за всем и испытывала боль, которую ощущала вместе с матерью. Она видела, как появлялась из тела матери, и кричала вместе с ней. Она увидела свое рождение и услышала свой еще слабый плач, когда оказалась в руках акушерки. Происходило чудо, но все было видно четко и ясно. Она узнала и эту акушерку, которая первая взяла ее на руки, тетю Дарико, близкую родственницу матери. Она видела, как акушерка и повитуха перерезали пуповину, вытерли и залепили пластырем. На это она смотрела уже более спокойно. Через некоторое время ребенок успокоился, и она тоже успокоилась. Больше ничего не было видно, как будто остановили кадр, и она только плыла в тумане молочного цвета. Она лежала одурманенная, ничего не чувствовала и ничего не видела.

Вдруг у нее снова потемнело в глазах, как будто туннель всосал ее и с огромной скоростью помчал в темную глубину. Она так испугалась, что у нее вырвался крик. Неожиданно из тоннеля она вырвалась на свет и оказалась на дороге, окруженной зеленью, с одной стороны от нее была гора, с другой – овраг. Впереди Нинико увидела маленький автобус, который объехал ее и сорвался в овраг.

– Мамааа! Папааа! – иступленно кричал ребенок.

Она видела, как автобус летит в овраг, видела ошеломленные глаза родителей. Увидела их последние вздохи и смерть. Потом сбежала в овраг, сама вошла в разбитый автобус, прошла между погибшими, подошла, приласкала, попрощалась и вернулась назад. Возле дверцы умирающий соседский мальчик цеплялся за руку матери, которую уже оставила душа. Она и его погладила по голове. Мальчик успокоился, закрыл остолбеневшие от ужаса глаза, и лицо у него успокоилось. Как только она вышла из автобуса, ее вновь окутал мрак, и она оказалась в туннеле, по которому пролетела с огромной скоростью. Она видела лучи света, которые быстро приближались к ней. При каждом ее крике рядом пролетал луч света. Она вновь оказалась

окруженной ослепительным светом, теперь у подножья горы, откуда смотрела на долину реки. Она увидела своего брата Миндию. Он отделился от товарищей и бежал по крутому склону. Она ясно видела, как он поскользнулся на камне и сорвался в овраг. Нинико с трепетом последовала за ним. Видела искаженное лицо Миндии, летевшего на камень своей смерти. Он упал на край большой глыбы, и через несколько секунд из его тела вылетела душа цвета сероватого индиго.

Нинико кричала, глядя на этот ужас, но не слышала своего голоса, она смотрела на любимого брата, паря в воздухе.

Видение снова исчезло. Она почувствовала прикосновение руки и тяжело открыла глаза. Увидела дедушку.

Несколько секунд она смотрела бессмысленно, потом пришла в себя.

– Дитя, доченька, что с тобой?! – испуганно причитал несчастный старик.

Нинико ничего не смогла ответить деду и снова закрыла глаза. Когда через некоторое время снова глаза открыла, дедушки не было видно. Видимо, он побежал за помощью к соседям. Оказывается, на счастье, он опоздал на городской автобус и поэтому вернулся домой. Когда Нинико снова пришла в себя, дедушка стоял рядом с ней обеспокоенный, а рядом тетя Нино, которая, оказывается, успела приехать из соседней деревни. Она рассмотрела лица врача и двух соседок. Их присутствие ее не обрадовало. Долго спрашивал врач, что с ней произошло, но она не отвечала. Нинико только спросила, который час и не пора ли ей в школу. Ее успокоили, сказав, что занятия давно закончились, об этом не нужно волноваться. Доктор всех заверил:

– Это возрастное, бывает в подростковый период и скоро пройдет. Завтра отвезем ее в Душети, там тоже проверим, возьмем анализы, чтобы убедиться, что ничего серьезного нет.

Через несколько дней подтвердилось, что ребенок абсолютно здоров. А через неделю эту историю все забыли.

Нинико никому не сказала о том, что с нею было. Вскоре она смирилась со своим положением, но часто вспоминала слова матери:

– Из всех женщин в роду Ликокели ты самая красивая и талантливая и будешь самой счастливой из всех. Ты столько прочтешь, поймешь и узнаешь на этом свете, сколько не знают все хевсурские женщины, вместе взятые!

Нинико хорошо помнила материнские «лепешки судьбы», которые та пекла на каждый Новый год. Она сама смотрела, не переводя дыхания, поднимется или нет поверхность ее лепешки в печке. Когда ее лепешка поднималась, она от радости бегала по дому и всех целовала. Это было самым большим счастьем в доме – видеть блестящие глаза Нинико. Ее подбадривали обещаниями, что она будет самой счастливой женщиной в Хевсурети.

В тот год, когда Миндиа погиб, его лепешка не поднялась. Мама успокоила его, мол, огонь виноват. А мальчик сказал, что это его судьба. Нинико хорошо помнила эту историю. Тогда Миндиа отвел ее к огромному камню, который был встроен в изгородь и сказал:

– Нинико, когда я вырасту, я выну этот камень и достану из-под него оставленный для нас подарок, но если мне не судьба это сделать, то вместо меня это должна сделать ты.

И это тоже ясно запечатлелось в ее памяти, хотя тогда она не знала ни историю этого камня, ни того, существовал ли на самом деле для них какой-нибудь подарок или это был только плод фантазии брата. Она вспомнила эту историю в подробностях, когда в своих видениях увидела гибель Миндии, и постаралась разузнать историю этого камня.

В Барисахо их дом стоял на краю деревни, около склона горы (он и сейчас там стоит). Как говорит дедушка Ладо, этот дом построил дедушка Георгий на месте башни, фундамент дома защищен от оползня. Даже по современным меркам, в масштабах Барисахо это был большой дом, с хорошим двором и вспомогательным помещением. Со стороны склона горы в изгородь действительно был встроен огромный камень, который был частью скалы и только треть кото-

рого была во дворе, а остальная часть снаружи. История этого камня казалась всем настолько древней, что если бы не была связана с именем деда Георгия, кто-нибудь окрестил бы ее наследием Средневековья. Многие считали эту невообразимую историю древнейшим сказанием, в котором такое огромное количество зашифрованных тайн, что невозможно найти ни начала, ни конца. Вроде и знакомые места и имена упоминаются в ней обычные, но суть ее немногие могут понять. Этот камень так органично вписывался в изгородь, как будто она была построена с его учетом, хотя за много лет до него существовали и дом и изгородь. Правда, она несколько раз переделывалась и обновлялась, однако камня, как реликвии, никто не касался. Его называли камнем деда Георгия. Если старики довоенного времени хотели рассказать о чудесах своей эпохи, они обязательно вспоминали об этом камне. Эта история, конечно же, была уже искажена временем, как и все старые истории, о которых уже не скажешь точно – это легенда, сказание или реальное событие? То же произошло и с историей этого камня. Хотя свидетелей уже не осталось на этом свете. Дедушка Ладо помнил ее лучше всех, хотя тоже по рассказам других, но он мог рассказать ее более детально и последовательно, чем другие.

– Этот камень дедушка Георгий один перенес на это место, вон с той лужайки, что у подножья горы, – начал рассказывать дедушка Ладо и указал рукой на подножье горы в конце сада. Эту историю он так всегда начинал.

– Это произошло после того, как вся деревня вместе с приглашенными из другой деревни не смогли сдвинуть этот камень с места.

Нинико удивленно, с подозрительностью смотрела на деда, не обманывает ли?

– Да, радость моя, сорок человек пытались его переставить, но и с места не смогли сдвинуть. Потом мой дед разделил их на три группы, приставил к ним женщин и детей. Поговорил с ними и дал задание петь и кричать на разные голоса. Было несколько звуков, которые они должны были последовательно издавать. Такая была картина, что если бы кто-нибудь посторонний посмотрел, подумал бы, что все они сошли с ума. На глазах у всей деревни дед заставил столько людей кричать и петь, и снова кричать, и они стали кричать так, что могли оглушить человека, а дедушка Георгий толкнул камень и покатил его. Он катил камень, как мяч. Пока они кричали, дед перекатил его через все то поле и через наш сад и подкатил туда, где было подготовлено место. Так он выиграл спор и оставил всех в изумлении. Когда люди собрались вокруг него, чтобы поздравить, он сказал, что таким образом в Египте строили пирамиды. Если вы слышали про иерихонские трубы, они тоже были использованы для этого. Дедушка Георгий выиграл спор на застолье, и вся деревня пировала после этого. Повеселилась от души.

На второй день был праздник Ломисоба, и эта история разнеслась по всей Пшав-Хевсурети и на долгое время стала темой для разговоров. Некоторые говорили, что дело в волшебстве Георгия, некоторые, что камень передвигал дух Хогаи Миндиа. А иные болтали, что никто ничего не передвигал и этот камень и раньше был там. Ну, доченька, представляешь таких людей?

– Дедушка, а зачем деду Георгию был нужен этот камень? – с удивлением спросила Нинико.

– Во время больших дождей или весной, во время таяния снега, под горой образовывалась ложбина и вода текла именно к нашему двору. Вот дедушка и перекрыл эту ложбину и направил поток в другую сторону. Сейчас, ты сама видишь, вода течет сначала в сторону сада, а потом вниз. К тому же, по-моему, он что-то спрятал под этим камнем. Станным человеком был мой дед, чудеса придумывал и совершал.

После этих слов деда Нинико вспомнила слова брата и подумала, не спрятал ли и правда что-нибудь дедушка Георгий под этим камнем. «Придет время, и я обязательно откачу этот камень и посмотрю», – подумала она. А дедушка Ладо продолжил рассказ.

– Вскоре после этой истории его взяли большевики. Он заранее знал, что его арестуют, но ногой не ступил из дому, бежать не пробовал. В то время многие бежали от коммунистов,

прятались в Верхнем Хевсурети, и где только еще не прятались. Некоторые даже с оружием защищались.

– Дедушка, а почему дедушка Георгий не убежал и почему его арестовали, в чем он провинился?

– Да ни в чем! В чем он мог провиниться? Он ведь был целителем. Знаешь, мелкие людишки всегда боятся настоящих мужчин, а очень умных – вдвое сильнее, потому и предают их. К тому же история с этим камнем, оказывается, дошла и до Тбилиси и, наверное, не обрадовала кого-то. Большевики и так косо смотрели на него после того, как он вернулся из-за границы. К нему шло множество народа, кто лечиться, кто за помощью, а кто за советом. Он говорил так: человек для человека лекарство, а кровь лечится кровью, ну кто вылечит, если не человек? Кто отвернется от Пшав-Хевсурети и будет служить большевикам, должен быть отвергнут общиной. Поэтому коммунистам Георгий и не нравился.

– Почему же он не убежал? – настойчиво спрашивала Нинико.

– Не знаю, моя девочка, я же говорю, что мой дед был странным человеком. Ни перед коммунистами, ни перед кем другим он не склонил бы головы. Он был настоящим мужчиной и знал себе цену. Он лечил людей прикосновением руки. Сколько человек благословляли нашу семью и наш род. Я верю и в то, что в Сибири он и конвоира убил бы, и других отправил бы за ним, если бы нужно было. Я тоже думаю, что он отправился в Китай, он ведь там уже бывал до этого. Дедушка Георгий не дал бы коммунистам себя убить. Мой отец рассказывал, что редко видел своего отца, но когда видел, тот сажал вокруг себя больших и маленьких и рассказывал тысячи интересных историй. Он говорил так: мы, наш род, даже перед царями не склоняли головы как свободный народ. Мы потомки пховских жрецов, и в нашем роду были даже женщины-жрицы каджей (леших), которым беспрекословно подчинялись мужчины Пхови. Кто сравнится с нами хоть именем, хоть знаниями, хоть вылеченными больными людьми или спасенными в горах и на равнине? И, правда, доченька, в нашем роду все были учеными людьми. Вот и мой отец был врачом, и его дяди. Только я стал учителем.

– Дедушка, а когда существовали женщины-жрицы и что они делали? – не отставала Нинико.

– Ты же знаешь, что такое «сцорпроба»⁶. Так вот, это правило было введено жрицами. – Дедушка Ладо ненадолго замолчал и посмотрел в небо, затем печально продолжил:

– Эх, дочка, чем стать учителем, лучше было бы перенять мне от деда историю нашей земли и тайное истинное знание, чем получать те же знания, которые мне дали в институте. Всегда старались, чтобы мы забыли пховское учение, традиции и обычаи. Ведь сила Грузии всегда опиралась на силу гор.

Старожилы говорили мне, дочка, что мой дед был единственным оставшимся в Хевсурети из тех, кому передали древние знания. Он был единственным, кто мог одним взглядом открыть тайную дверь любой крепости. Все древние тайны, которые остались в Хевсурети, объяснить мог только он. Ведь мы из рода Хогаи Миндии, древнейшие из древних, лучшие из лучших. Нам было поручено во время любой беды, чего бы это нам ни стоило, спасать род пховцев. Люди хорошо знали о самоотверженности нашей семьи и рода в целом, знали, что мы никогда не оставляли ни одно село во время чумы или другой эпидемии. Когда все убегали, мы шли помогать людям, поэтому во всех общинах нас любили и уважали. Ну и мы с помощью своих знаний возвращали эту любовь людям. наших женщин называли Ашекали и Самдзиварис-кали, они знали все тайны нашего рода и должны были хранить их. Когда надвигалась какая-нибудь беда, в первую очередь заботились о них, сторожили или прятали где-нибудь, поскольку только им доверяли продолжение и спасение нашего рода. У нас в роду никогда не

⁶ Сцорпроба – Институт побратимства между девушкой и парнем, дающий им возможность общения в условиях строгой морали Хевсурети.

было кровного врага. Так заботились о нас все. Вот такие у нас были предки, – гордо и печально сказал дедушка Ладос и продолжил:

– То, что писали про Хогаи Миндию, наверное, и ты читала, да? Это все только легенды, мифы, созданные художественной литературой. Однако, как говорит сказание, наш прямой предок реально должен был жить примерно в пятом веке, если не раньше. Хогаи появился на свет во времена двух солнц. Это значит, что, как говорят, на небе вместе с солнцем появлялась тринадцатая планета Нибиру. Тогда многое поменялось в Пхови и во всей Иберии. Хогаи тоже не появлялись вдруг, по одному взмаху руки, у них тоже были свои предки. Еще в древние времена они ходили в Индию и Тибет, как будто просто через хребет переходили. Мы передали им много знаний, а они передали нам. Наши легенды представляют Хогаи только как борца с кистами⁷, но это неправда. С нашим родом связывали хранение тайных знаний горцев, а не только борьбу с кистами. При помощи тайных знаний нашей семьи, которые дошли до нас, мы распоряжались тайным знанием Пхови и всей Грузии, с этим считались даже грузинские цари.

Наш род и община постоянно жили, сохраняя тайны, и это переходило из поколения в поколение. Даже люди нашего рода не все знали тайны. Для их хранения нужен особый характер и особый жизненный уклад. Мы всем помогали, но и держались далеко от всех. Поэтому некоторые считали нас угрюмыми, но по-другому нельзя было.

– Дедушка, почему нас считали угрюмыми? – со свойственной ей непосредственностью спросила Нинико.

– Потому что, если знаешь больше других, и что-то понимаешь, или от предков тебе передана мудрость, не сидишь со всеми и не выболтаешь все, ну и получается, что ты угрюм. Таковы люди, но конечно не все!

После этих слов Нинико задумалась. Она уже знала, как трудно сохранить тайну. Уже сколько раз у нее возникало желание с кем-нибудь поделиться своей тайной, однако какая-то внутренняя сила не давала ей этого сделать. Эта внутренняя борьба даже портила ей настроение. Когда прошло время, ей понравилась собственная сдержанность, и она даже похвалила себя. И осознала, что роду Ликокели суждено всю жизнь носить в себе тайны.

После школы, как только заканчивала делать уроки, убирать дом, готовить еду, Нинико закрывалась в своей комнате и читала рукописную книгу своего прадеда. Много она не понимала или не могла разобрать, но старалась сама вникнуть во все. Ведь некого было спросить. Да и кто бы мог объяснить непонятное?

И опять ей приснился прадедушка. Он даже сказал ей: «Я знаю все, что произошло. Но ты правильно сделала, что никому не сказала о причине произошедшего. В другое время поступай так же, чтобы никто не узнал». Он пожурил ее: «Я ведь тебе сказал, без подготовки ничего не трогать, пока не научишься. Не спеши, сначала научись всему, потом поймешь, как что использовать».

Девочка спросила его: «И дедушке не говорить?» – «Нет, – ответил дедушка Георгий, – это будет только твоей тайной. То, что внутри сундука, принадлежит только тебе, но и ответственность тоже на тебя возложена. Ты должна стать жрицей Пхови, поэтому, когда ознакомишься с грузинскими книгами, выучи французский, а затем сама поймешь, что еще тебе нужно будет выучить. Когда тебе понадобится меня видеть, дыши глубоко, и тем днем или ночью обязательно увидишь меня. Ты и в книге прочтешь, как нужно дышать и как можно меня увидеть».

После этого Нинико продолжила читать более спокойно. Сначала из прочитанного она понимала лишь десятую часть, но все равно настойчиво и терпеливо сидела с книгами. Постепенно все становилось более ясным, и это давало ей еще больший стимул.

⁷ Кисти – Племя на северном кавказе (Дагестане).

В их школе обучали английскому, поэтому она нашла пожилую учительницу, которая раньше обучала французскому языку. Бабушка Кетеван была близка их семье и поэтому с радостью приняла просьбу ребенка помочь ей в изучении французского.

Нинико почувствовала, что после той истории она стала быстрее осваивать все предметы. Она и раньше хорошо училась, но теперь оставила всех далеко позади. Учительница английского языка и классный руководитель тоже узнали, что она изучает французский, и удивлялись, как она столько успевает. Она прочитала и книгу дедушки Георгия, рассказывающую о его путешествиях, и была восхищена. Оказывается, он встречался с большим количеством интересных людей в Англии, Франции, Италии, Египте, Индии, Тибете, Непале и Китае. У него были друзья во многих странах, и вместе с некоторыми из них он был посвящен в многочисленные тайные знания. Он сравнивал увиденное и изученное в других странах со своими тайными познаниями. В древнейших сказаниях Пхови он искал упоминания о контактах с Египтом, Индией, Персией и Тибетом и, оказывается, нашел много следов этих контактов.

Из книг она вскоре узнала и хорошо поняла, что представляют собой порошки, которые все еще хранились в сундуке. Для чего были нужны те малюсенькие раскладные весы и маленькие мензурки, подобные которым она видела в кабинете химии.

В тот год она заканчивала седьмой класс. На весенние каникулы она поехала в Тбилиси. Двоюродные сестры нашли ей французский словарь и раздобыли другие нужные книги. Летом она ожидала их приезда, а до этого еще несколько раз открывала сундук и хорошо изучила его содержимое. Она обнаружила еще две книги, одна из которых, как она поняла, была написана на арабском, а вторая неизвестно на каком языке. Затем она накрыла сундук тканью и сверху положила ящик, в который сложила банки – на всякий случай, чтобы ни у кого не возникло желания заглянуть в сундук. Хотя в кладовку, кроме нее и дедушки, никто и не заходил. Несколько раз она попыталась вызвать в видении дедушку Георгия. Сначала ей было трудно, пришлось долго и глубоко дышать, чтобы выйти в астрал, но благодаря своему твердому характеру она в конце концов смогла. После этого она стала постоянно делать дыхательные упражнения и медитировать, чтобы быть в форме. Это еще больше увеличило ее успех в учебе.

Как правило, Нинико это делала так: оставшись одна, она надевала свой хевсурский наряд, в хорошую погоду выходила на балкон, на котором она постелила шкуру горного тура, и садилась лицом к солнцу в позе лотоса. Сначала она сидела спокойно и любовалась прекрасным видом. Когда освобождалась от всех мыслей, девочка закрывала глаза и пыталась восстановить в памяти те прекрасные цвета, которые она только что наблюдала. Восстановив их в памяти, она и с закрытыми глазами видела это веселье красок. Только после этого она начала делать быстрые и глубокие дыхательные упражнения, затем меняла режим дыхания – и так несколько раз. Потом в определенный момент она почти прекращала дышать и проскальзывала разумом в незнакомый мир. В тот момент она чувствовала чрезвычайную легкость, она как будто слышала дыхание целого мира, менялось непостижимое богатство цветов. Она полностью отрешалась от этого мира. Это может быть трудно себе представить, но маленькая девочка умудрялась медитировать и получать необыкновенно сильные эмоциональные впечатления. Постепенно она отточила технику и чем чаще медитировала, тем быстрее получалось у нее перейти в астрал. Часто для этого ей достаточно было десяти-пятнадцати минут. Это, наверное, потому, что, в отличие от взрослого человека, на ее плечах не лежала тяжесть жизни. Легкая как перышко, она летела в то пространство, которое было похоже на увиденный во сне сказочный мир, который так захватил и заинтересовал ее. Вместе с непостижимой легкостью и красотой, которую она ощущала в этом незнакомом пространстве, она чувствовала необычайное блаженство и ощущение парения. Из прочитанного в книге она знала, что это не будет длиться бесконечно и что у каждого выхода в астрал должна была быть определенная цель. Каждый день увеличивалось ее желание прочитать, узнать и понять еще что-нибудь. Это

стремление заставляло ее еще больше упорядочить свой каждодневный режим. Самообразование, к которому пристрастилась Нинико, толкало ее к жизни отшельника.

Несколько раз она вошла в контакт с дедушкой Георгием и получила ответы на интересующие ее вопросы. Он дал ей и другие указания и советы, и девочка очень четко их усвоила. Он сказал ей, в котором часу лучше выйти в астрал, чтобы легко войти с ним в контакт.

В конце лета она уже считала себя достаточно подготовленной и поэтому вернулась к порошкам из ларца. Теперь уже она делала все осознанно, в тех дозах, которые были описаны в книгах. Она приготовила жидкость с использованием очень маленькой дозы и попробовала всего лишь одну каплю, и то капнула ее в чай. Примерно через сорок минут у нее начались чудесные видения. Она сама стала свидетелем того, что видела благодаря своей фантазии и воображению, читая книгу дедушки Георгия. В течение трех часов она побывала в Тибете, в монастыре. Она увидела горы более высокие и заснеженные, чем ее родные горы. Дедушка водил ее за руку, знакомил со святыми монахами монастыря и ламами. У нее уже не было тех трагических волнений, которые она испытала после случайного контакта с порошком. Выйдя из астрала, она чувствовала необычайную легкость и бьющую через край энергию, которую она должна была где-нибудь потратить.

Перевоплощение ребенка становилось все более явным. Она уже перешла в восьмой класс, но учеба начиналась только через две недели. До начала учебы она уже полностью изучила программу восьмого класса. Потом она взялась за программу выпускных классов и с непостижимой быстротой справилась со всеми предметами. Некоторые вещи она спрашивала у дедушки. Дедушка Ладо сорок лет проработал в школе и имел звание заслуженного педагога, поэтому она попросила у него посредничества, чтобы экстерном сдать выпускные экзамены и получить аттестат. Дедушка и раньше замечал перемены в своей внучке, но как он мог подумать, что четырнадцатилетняя девочка за месяц осилит всю школьную программу. По настойчивой просьбе Нинико, дедушка пошел к директору школы, который был когда-то его учеником.

Директор тоже удивился, услышав просьбу, и сказал, что за всю его практику ни разу не встречал подобного случая. Он ничего не обещал, только сказал, что спросит в министерстве и на это потребуется время. Через месяц оттуда пришло промежуточное решение: пусть окружная комиссия примет экзамены, и, если Нинико сдаст, пусть идет в выпускной класс, чтобы вместе с остальными закончить школу. Нинико согласилась.

В начале октября Нинико во всех предметах без исключения получила высшую оценку. Пораженные члены комиссии в один голос были готовы там же дать ей аттестат, но министерство все равно не стало доверять окружной комиссии, поэтому в ноябре дедушке и внучке пришлось ехать в Тбилиси. Все члены комиссии министерства были поражены и без промедлений согласились выдать девочке аттестат.

Тогда она впервые увидела компьютер, до того знала о нем только из журналов, газет и телепередач. Она примерно знала, как он функционирует, но тут у нее появилась возможность ознакомиться с ним на практике. Она попросила научить ее. На неделю они остались в Тбилиси, и двоюродная сестра каждый день водила ее в Министерство образования к знакомому, который методично обучал ее работе на компьютере, сетевой системе, интернету и его системным нюансам. Она впервые попала в пространство интернета и получила неповторимые впечатления.

Тогда в Грузии еще не было интернета, и в виде эксперимента интернет включили только в министерстве с помощью турецкого провайдера. Она моментально освоила все рабочие программы и принципы создания системных продуктов. По просьбе девочки дедушка еще на неделю оставил ее в Тбилиси. За это короткое время она ознакомилась с принципом работы локальных и региональных серверов, глобальных сетей, автоматизированной системы управления. Ознакомилась с нападениями на глобальные системы хакеров, фрикеров, кракеров и

колумнистов, и это ее очень заинтересовало. За две недели Нинико получила такой объем информации и практических знаний, на который требовался как минимум год. Раз в день она умудрялась медитировать и в Тбилиси. Как всегда, она вставала раньше всех, поэтому ни дядя, ни тетя, ни двоюродные сестры не знали, чем она занимается утром, закрывшись в гостиной. Нинико уже хорошо владела гранью перехода в астрал во время медитации. Она прекрасно контролировала себя, эмоции, интенсивность и объем занятий. Она сама замечала свои ежедневные успехи, все новые и новые достижения, о которых не могла и мечтать, поскольку не знала своих возможностей. Она еще не знала о том, какие особенные возможности она приобрела, какие способности открылись в ней, что могла и что предвещало ей такое быстрое перевоплощение. Иногда ей казалось, что она многое может, но у нее еще не было полного перечня и объяснения собственных возможностей. Она заметила и то, что для перехода в астрал ей требовалось уже меньше времени. Она просто садилась, закрывала глаза, концентрировалась на каком-нибудь человеке или событии и сразу вступала в телепатический контакт с ним. Она не только видела, но чувствовала и переживала вместе с тем человеком.

Когда она возвращалась из Тбилиси домой, она прихватила с собой цветные журналы и книги о компьютере. Она решила, что весной купит компьютер. В деревне электроэнергия часто отключалась, но бабушка как-нибудь это уладит.

За два дня до ее отъезда из Тбилиси произошло интересное событие. Вечером к тете Нане с плачем зашла соседка. Она беспокоилась о пропаже дочери. Впервые Тако не пришла домой ночью, уже второй день ее не было дома. Сначала они не разглашали этого, чтобы не повредить репутацию девушки, но не выдержали и заявили в полицию.

– У меня чуть сердце не лопнуло, когда ее друг и поклонник Зурико сказал, что уже несколько дней ее не видел. Они вот тоже знают Зурико, он порядочный парень, никогда не обманет, – женщина посмотрела на девочек заплаканными глазами, чтобы получить подтверждение сказанного.

– Вы ведь знаете, какая девушка моя Тако, все на нее засматриваются, такая она эффектная. Несмотря на свои девятнадцать лет, она совсем неопытный ребенок; она такая порядочная и сдержанная, но вы ведь знаете, какое сейчас время, боюсь, чтобы ей кто-нибудь не причинил вреда! – причитала соседка.

Все обеспокоенно слушали тетю Нуцу на кухне. Она зашла тогда, когда все ждали главу семьи и готовились к ужину.

Неожиданно Нинико вышла в гостиную, села на ковер и попыталась точно восстановить в памяти лицо соседки своих двоюродных сестер.

Через двадцать минут она вернулась на кухню. Ее отсутствия никто и не заметил, поскольку все старались успокоить тетю Нуцу. Нинико села на прежнее место и спокойно сказала:

– Тетя Нуца, Тако сейчас где-то наверху, у озера, вместе с каким-то парнем.

Все посмотрели на нее удивленно.

– Где у озера?! – крикнула тетя Нуца.

– Не знаю, это маленькое озеро, по-моему, его называют Черепашьим. Они там сидят в заграничной машине синего цвета и... – Она не закончила фразу, поскольку постеснялась сказать, что непорочная Тако была в машине с парнем абсолютно голая. Все примерно поняли, что пряталось за незаконченной фразой.

– Откуда ты знаешь? – гневно спросила тетя Нуца.

Нинико ничего не ответила.

– Нинико, дорогая, скажи, откуда ты знаешь? – приласкала ее тетя Нана.

– У меня только что было видение, – с застенчивостью коротко сказала девочка. Она не была уверена, что ее словам поверят.

– Видение?! Какое видение, мне сейчас не до шуток! – строго произнесла тетя Нуца.

– Я не шучу. Если поедете сейчас же, увидите ее там, – более уверенно и спокойно сказала Нинико.

Нуца вскочила и стремглав выбежала из кухни. Тетя попыталась ее остановить, но не успела, и раздался грохот двери.

В доме наступила неловкая тишина. Во дворе через несколько минут послышался громкий разговор Нуцы и ее мужа, за которым последовал звук заведенного мотора старых «Жигулей» и визг колес об асфальт.

– Нинико, доченька, скажи правду, откуда тебе пришла в голову такая мысль? – нарушила молчание тетя. – Я знаю, что ты очень способная и необычная девочка, однако, невозможно, не выходя из дома, так сразу увидеть или узнать местонахождение Тако.

– Я не думала, что смогу это сделать, – как будто оправдывалась девочка. – Я вошла в комнату и, закрыв глаза, представила ее лицо. И увидела то, что рассказала, – неловко объяснила Нинико. Она понимала, что из добрых побуждений сунула нос не в свое дело и сейчас ее могли выругать. – Я просто хотела помочь...

– И все же, что ты видела? Скажи, не стесняйся, мы здесь все женщины.

Нинико медлила с ответом, стеснялась все рассказывать. Но двоюродные сестры не отставали, уверяли что никому не скажут. Нинико была вынуждена рассказать все виденное до конца.

– Я и не знаю что сказать, – обеспокоенно сказала тетя, – если они и правда найдут там Тако, это будет чудом, но... Возможно, Нуца будет не очень довольна, что про ее дочь, которую она так самозабвенно хвалит и ставит всем в пример, мы узнали такое. А если не найдут, еще хуже – скажут, что над ними подшутили в такой тяжелый момент.

Опять наступила неприятная неловкая тишина. Тетя была права.

– Нинико, а Тако и правда была совсем голая? – уточнила старшая двоюродная сестра Като.

– Да, – ответила, опустив голову Нинико, – и они играли в цацлоба⁸.

– Знаю, во что они играли, здесь не Хевсурети! – засмеялась Като и всех рассмешила. – Это тетя Нуца считает свою дочь ангелом, вся наша улица знает, что за птичка Тако. Этот парень, Зурико, которого она назвала поклонником, еще со школы жил с Тако почти два года, а сейчас они расстались, – раскрыла секрет Като.

– Да что ты, не своди меня с ума! – запричитала ее мать.

– Да, об этом весь наш двор говорит, и Нуца это знает, но ты ведь знаешь ее характер, она всех очернит, лишь бы свою Тако обелить.

Женщины рассуждали и спорили и к тому же не могли дожидаться, чем это все закончится.

Через час вновь послышался шум соседской машины. Като выглянула из окна и увидела вместе с родителями Тако.

Поздно вечером вся семья вместе с главой семьи сидела у телевизора, когда вновь вошла тетя Нуца. Она постеснялась говорить в гостиной в присутствии Давида, и женщины вышли на кухню. По телевизору шла интересная программа, но из любопытства девушки вышли за ними.

– Нинико, дорогая, какой ты оказывается феноменальный ребенок?! – с лицемерной улыбкой сказала тетя Нуца.

Нинико опустила голову.

– Представьте себе, как только мы с Вахо подъехали к Черепашьему озеру, они нам навстречу едут сверху, он вез ее домой. Как только нас увидели, сразу остановили машину. Слушай, оказывается, знаешь, что с ребенком случилось? Вчера она была на дне рождения однокурсницы, телефон забыла в такси, а потом поздно было возвращаться. А сегодня про-

⁸ Цацлоба – древняя хевсурская традиция. Любовная игра (утеха) без права совокупления. Обряд, когда мальчик и девочка выбирая партнера могут ласкать друг-друга, не вступая в окончательную близость.

должили кутить, туда пришел этот парень, и они там познакомились. Знаете, какой он? И к тому же у него такая машина! Оказывается, он не пьет, и чем сидеть за столом, они решили прогуляться. В общем, мы с Вахо напрасно волновались.

Женщины внимательно слушали наспех состряпанную историю и улыбались.

– В общем, Нинико от меня полагается подарок. Если бы не эта красивая девочка, мы и эту ночь провели бы без сна от нервов! – вырвалось у тети Нуцы.

Короче, эта история всех развеселила, но ясновидение Нинико привело семью в изумление.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Тяжело поднимался он по каменной лестнице и думал о превратностях судьбы.

Почему так бывает, что для достижения благополучия, люди часто совершают непристойные поступки, не щадя при этом ни чужих, ни близких? Разве достигнутая таким путем удача кому-то пошла впрок? Наверное, одни рождены для того, чтобы оклеветать других, а другие – чтобы выдержать эту клевету...

Эта желчь тяжким грузом давила на сердце Георгия. Уже неделя, как он очутился в тюрьме НКВД из-за анонимного письма. Однако он знал, что это был только лишь повод. Уже и так недоброжелательно смотрели на человека, побывавшего за границей. Он догадывался, кто мог написать это анонимное письмо. Или кого заставили написать... Хотя какое это имеет значение? Если в самом человеке сидит озлобленность и склонность к клевете, то ему не нужно ни лишнего повода, ни причины для того, чтобы совершить недостойное. А потом оправдать себя тем, что послужил на благо Родины.

И кто же совершил это – хевсур против хевсура, раб Гуданского Джвари?⁹ Кто знает, сколько раз смешана и пролита кровь наших предков в борьбе с врагом? Может быть, его жена даже не знает об этом? Нет, она женщина другого склада, этого бы она не простила. Некоторые женщины мужественнее мужчин. Многие, кто кичатся мужеством, даже близко не подойдут к бабьей стойкости. А если об этом узнают его дети, внуки... Нет, жаль их, тогда им не будет места в Хевсурети.

Однако, какая колдовская сила у этих большевиков, что так с ума сводят людей! Большинство из них полуграмотные невежи, но вертят образованными людьми как хотят. Почему так происходит? Если хоть раз выедешь за границу, на учебу, на заработки или на мир взглянуть, то потом для тебя не остается места на родине. Не дают тебе больше использовать свои возможности и опыт для своего Отечества. Почему вынуждают тебя уехать из страны и служить другому народу? Не дают возможности иметь свое место под своим же солнцем, у себя на родине. Неужели мы, всегда должны так пожирать друг друга.

Они уже дошли до четвертого этажа. Из раздумья его вывел звук отодвигаемой задвижки тяжелой железной двери. На двери было размазанно: камера 95. Было уже восемь часов вечера. Когда его завели в камеру, он сразу же почувствовал резкий смрад, пропитанный запахом махорки и пота. Он был так удручен мыслями этих дней, что этот запах не слишком подействовал на него. В камере, как выяснилось, были люди среднего возраста, в основном арестованные по политическим статьям. Измена Родине, шпионаж, контрреволюционная деятельность или их поддержка, вредительство, антисоветская деятельность и множество других сфабрикованных дел.

Никто его не спрашивал, почему его арестовали, был ли суд, откуда он, как зовут. Никто не задавал этих традиционных вопросов, посмотрели на новозаключенного, оглядели с ног до головы: случайно не знаком ли? И каждый углубился в свои мысли или вернулся к своим нехитрым занятиям. Лишь только один молодой человек подошел к нему, назвался Васо, пожал ему руку и мило улыбнулся. В той темной камере эта улыбка была похожа на светлый луч солнца. И этот светлый луч останется с ним до конца жизни.

– Иди, брат, иди, не удивляйся этим людям. Ты тоже, должно быть, арестован по нашей статье, если тебя привели сюда. Поэтому тебя никто ни о чем не спрашивает. – Так он сказал и рукой указал на верхнюю койку деревянных нар.

⁹ Гуданский крест. Гуданис Джвари – церковь в Хевсурети, в которой собирались старшины рода для решения важнейших вопросов.

Новичок немного освоился и оглядел сокамерников. Было их около тридцати человек. Глаза привыкли к тусклому свету, лучше различались лица. В основном они сидели парами или маленькими группами из трех-четырёх человек на нижней койке шпонки. Через некоторое время, тот же молодой человек вывел его из раздумья:

– Георгий, спускайся, чаю попьем.

Когда он спустился и присел, к нему подошли двое мужчин среднего возраста. Один из них, высокий, широкоплечий, ширококостный, представился ему как Сосо Нибладзе, а второй назвался Дмитрием Илуридзе. Он оказался учителем из Каспи.

Никто не спрашивал его за что он был арестован, хотя в их глазах и в разговоре чувствовалось любопытство. Но здесь не было принято задавать вопросы. Он сам им сказал:

– Я Георгий Ликокели из Барисахо, меня обвиняют в антисоветской деятельности.

Все ему кивнули: мол, понятно. Во время разговора он узнал много для себя нового. Ему также объяснили нюансы тюремной жизни. А Сосо Нибладзе дал ему и вправду дружеский совет:

– На допросе постарайся показать и четко им объяснить, что политика тебя не интересует и ты далек от всего этого.

Его поддержал и Дмитрий:

– Так будет лучше, чтобы не попасть в расстрельный список.

Георгий подтвердил, что он и в правду далек от политики. Когда они узнали, что он был целителем, да еще и дипломированным врачом, к нему отнеслись еще добрее и уважительнее. После изолятора НКВД, в этой камере им овладело совсем другое чувство. Он сразу же понял, что здесь он сможет восстановить душевное спокойствие. Там ему даже не давали спать многочасовыми нескончаемыми допросами. Следователи НКВД – Рухадзе, Нацвлишвили и Жгенты – через каждые два-три часа сменяли друг друга. Как только заходил следующий, отдохнувший, первыми его словами были:

– А ну-ка не спать, у нас есть разговор, а то позову стражников, они тебя бисто протрезвят!

Георгий в первый же день ареста понял, что ему придется балансировать на грани жизни и смерти, поэтому, пока еще у него была физическая сила, попытался создать психологический барьер следователям, чтобы они не перешли на физическое давление после первой же встречи. Благодаря знаниям и практике он достиг того, что к нему и вправду физически не прикасались. В отличие от других заключенных, его не били, а наоборот – даже побаивались его. Целенаправленно, то по очереди, то одновременно, работали три следователя. Они пытались психологически сломить его бессонницей и постоянным давлением. Так его испытывали на протяжении недели. Их главной целью было, чтобы Георгий Ликокели признался в своей антисоветской деятельности и участии в заговоре. После этого ему приписали бы все, что угодно, положили бы перед ним список невинных людей и заставили дать ложные показания против них. Георгий знал это: он читал их мысли.

А вот бессонница чуть было и вправду не сломала его. После многочасовых допросов его вели в камеру, где стекла были вынуты из рам и не было даже подобия отопления. Спать было невозможно, но Георгий смог это преодолеть благодаря своей подготовке.

Не смотря на то, что камера 95, была камерой политзаключенных, жила по тюремным законам. Неписанный закон, что заключенные должны помогать друг другу, в Грузии всегда строго соблюдался. Поэтому их камера почти со всеми камерами имела связь. Они получали и отправляли почту – малявами и небольшим количеством продуктов – с помощью кабур¹⁰, проделанных в стенах камер. Заключенные знали, что для политических закрыта связь с внешним миром и к ним не допускали «дачку». Многие из них были обречены, но они часто полу-

¹⁰ Кабура – на тюремном жаргоне кирпич, вынимаемый из стены камеры.

чали от других заключенных чай и табак, что было большим подспорьем. Тюремная «почта» давала неплохую информацию, и если приводили новенького или кого-то отправляли на этап, то их обязательно информировали об этом. Лишь только с камерой смертников у них не было прямого контакта. Информация оттуда была недоступна. Им даже не давали возможности перекликаться. Но все же из спецкамер к смотрителю¹¹ тюрьмы информация доходила. Как этого добивался смотритель, политические не знали. Многие из осужденных на расстрел были именно политзаключенными, поэтому, когда кого-нибудь выводили на расстрел, через несколько минут смотритель уже знал об этом. Из его камеры сразу же отправлялась малява в камеры политзаключенных.

В декабре 1938 года, спустя месяц после ареста Георгия, из спецкамер зачастила информация. Не проходило и дня, чтобы не пришло несколько сообщений. Некоторые из их сокамерников были переведены в спецкамеры. Их держали там пока не приходил час расстрела.

В одну декабрьскую полночь, один из заключенных, который контролировал «дорогу», принес Васо маляву. В полутемной комнате Васо встал под лампочку. Все, кто не спал, смотрели на него. Васо прочитал маленький листок и скомкал его в руке. Было видно, что он испытывал. Георгий не спал и смотрел на Васо. Он понял, что Васо в шоке и ему нужна помощь. Он подошел к нему, усадил на кровать, нашел нужные точки на его ушах и помассировал их, потом пальцы. Через некоторое время вывел Васо из шока тэтануса. Только одним словом спросил его Георгий:

– Кто?

– Муза Квициани, – шепотом вымолвил Васо.

К ним подошли Сосо Нибладзе и Дмитрий Илуридзе.

– Какого парня сгубили! – боль лавиной вырвалась в словах.

– Здесь он лежал, рядом со мной! – проговорил Васо и указал на соседнюю койку. – Шесть месяцев он был у них в спецкамерах, специально мучили эти сучьи дети, а семье год назад запретили передавать «дачку». А этим сообщали, что он расстрелян. Муза надеялся, когда говорил мне: скоро расстреляют и уже не будут мучить...

Все слушали молча.

– Торопятся, сволочи, чтобы до конца года освободить спецкамеры, – сказал Сосо.

Все, кто не спали, окружили их. Каждый представил себя на месте Музы. Они хорошо знали, что многим присуждали по десять-пятнадцать лет, но все же расстреливали. Случалось и обратное, но это происходило гораздо реже. Проклятая «тройка» многие семьи одела в траур.

Георгия каждый день водили в главный корпус на допрос, чаще вечерами, где несколько часов длилось психологическое давление и злая игра. Они хорошо знали, что никакого преступления он не совершал, однако для них не это было главным. Главное было – каждого авторитетного человека, кого уважал народ, сломить, унижить и заслать как можно дальше. Если же они не побеждали в этой психологической игре, тогда «тройка» и ее окончательный вердикт – расстрел.

Следователь, майор Жгенты, как один из зубцов репрессивной машины, получал удовольствие от своей работы, с усердием выполнял свои обязанности и в этом был бесподобным исполнителем. Был он человеком ограниченного ума, и все проведенные им допросы и составленные акты походили друг на друга, как две половинки яблока. Что тут удивительного, ведь работа на конвейере вырабатывает в человеке привычку рефлексивно, автоматически совершать несколько операций, а разум его совсем притупляется. Майору доставляла удовольствие психологическая игра с несчастным человеком в наручниках, который знает, что его не спасут ни

¹¹ Смотритель – авторитетный заключенный, который регулирует спорные вопросы между заключенными и с администрацией тюрьмы.

справедливость, ни Всевышний. Перед ним в лице следователя стоят и прокурор, и судья, и ангел смерти Микел Габриель.

Георгий читал его мысли и думал: противостоять, переубедить? Нет, это все равно что толочь воду в ступе, он тоже не свободен, ему тоже все наперед определили. Я даже могу предпринять его судьбу. Или придушить его прямо здесь? Но так не годится. Тогда может ошеломять его или нарушить ему дыхание? Или, может быть, спровоцировать инфаркт? Но тогда ведь я тоже стану таким, как он.

И Георгий со спокойным лицом смотрел на палача.

Его спокойствие, как красная тряпка, действовало на майора. И вдруг майор потерял дерзость и высокомерие. Уже механически повторял одно и то же, нервно шагал по кабинету, садился, вновь вскакивал и вышагивал от одной стены к другой.

Может, он споткнется? Пусть споткнется! Пусть сядет и успокоится, а то у меня уже рябь появилась в глазах, столько он ходит.

И вправду, майор споткнулся, пошатнулся и прислонился к столу. Удивленный, он застенчиво посмотрел на заключенного. Не мог понять, почему у него нарушилось спокойствие, почему он так взволновался? Он ненавидел заключенного и боялся его. Ему же рассказывали, что тот совершает чудеса, но это не цирковые номера. Оказывается, он сильный целитель. Нельзя доверять этим целителям, их только расстрел остановит. Уже несколько раз майору приходила в голову эта фраза, еще до встречи с Георгием, когда он познакомился с его делом, но сейчас эта фраза уже преследовала его, и он часто ее повторял, будто убеждал самого себя, что это единственный выход.

«Маги и колдуны не нужны нашей стране рабочих и крестьян, это тоже буржуазное наследство. Что он делал четырнадцать лет за границей? Чему его там могли научить полезному для нашей страны?» – думал майор.

Георгий спокойно смотрел на следователя, и мысли майора лежали раскрытой книгой перед ним. Он уже знал все его замыслы и шаги. Майор хотел усугубить дело и закончить его расстрелом.

«Не получится, майор, я не дам тебе возможности погубить меня и других. Я должен избавиться от этого палача», – так думал Георгий.

После этого дня, его не вызывали на допрос целый месяц. Новогодние праздники уже прошли, когда его привели в следственную часть. Встретил его уже другой следователь, совсем молодой парень. Георгий хорошо знал, что случилось с майором, но все же спросил:

– А где майор?

Лейтенант ответил:

– Уже месяц, как он лежит в больнице, поэтому я продолжу ваше дело.

После ознакомления со сфабрикованным делом Георгия Ликокели, молодой офицер был растерян. Понимал, что бессилен. На третий день «тройка» все же вынесла приговор – десять лет тюрьмы. Все, кто прошли через этого следователя, спаслись от расстрела.

Этот юноша стал спасителем обреченных. Никто не знал, какая звезда зажглась им на счастье.

После приговора Георгий еще больше успокоился. Он ни в грош не ставил ожидаемые испытания. Думал: если суждено спастись, спасусь.

После Нового года число заключенных в камере убавилось, в основном оставались те люди, которые так или иначе уже знали друг друга и друг другу доверяли. И Георгия лучше узнали, чувствовали его внутреннюю силу и глубину. Старались с ним быть поближе. Разговоры тоже стали более свободными, особенно после того, как многим из них вынесли приговор и одарили под Новый год многолетними сроками. Часто садились они вокруг Георгия, опытного и повидавшего жизнь человека, и, как правило, чаепитие сопровождала интересная беседа. Шпионы, вредители и предатели почему-то все время думали и рассуждали о судьбе

своей Родины. Но что в этом удивительного? Для грузинской интеллигенции это было нормально, где бы эти люди ни находились: в тюрьме, в эмиграции или дома.

– Георгий, ты же был в Египте?

Георгий кивнул головой.

– Меня интересует, какую функцию выполняют эти громадные сооружения в середине пустыни? Поверить, что это была только гробница фараона? Как я читал, у других, более могущественных фараонов, во времена которых Египет был более развит, имелись относительно скромные гробницы? – спросил Сосо.

– Интересный вопрос, – сказал Георгий. – Да, у других, более значимых фараонов были относительно маленькие гробницы, подтверждение этому – Долина царей в окрестностях древней столицы – Фив, которую я видел своими глазами. Однако предназначением пирамид не было только захоронение фараонов. Люди до сих пор не смогли выявить их суть, а эзотерическое учение традиционно остается под сомнением, это однозначно ограничивает научное мышление, что не дает возможности выйти из однажды установленных рамок. Это определенным образом связано и с нашим воспитанием. Рамки, которые нам определили с детства, не дают нам возможности перемен, а вдруг на нас посмотрят другими глазами, посчитают нас ненормальными, а это односторонне ограничивает и мешает нашему личному и духовному росту. Если наше сознание втиснуто в узкие рамки в течение определенного времени, оно камнеет и его изменение становится невозможным.

Я делаю такое большое вступление для того, чтобы высказать вам совершенно другое соображение, которое основывается на эзотерическом учении. Пирамиды, мой Сосо как энергетические усилители совершали энергоинформационный обмен с космическим разумом.

Сокамерники удивленно слушали, у них появилось множество вопросов, но они ждали, когда он закончит рассказ, а Георгий продолжал:

– Возраст пирамид, может быть, вдвое, втрое больше того, что им приписывают. Многие ученые знают это, но привычные рамки не дают им возможности пойти дальше. Если они об этом открыто заявят и подтвердят, многое в науке встанет как бы с ног на голову. В течении веков новые поколения придавали пирамидам новые функции, в том числе они стали гробницами фараонов. Придет время, и в Грузии поведаст нам свою тайну один из холмов, под покровом которого мы обнаружим пирамиду.

– В Грузии? – удивленно спросил Дмитрий.

– Да, мой Дмитрий, именно в Грузии. В мире много пирамид – везде, где имелаась связь с высшим разумом. В Египте они сохранились потому, что природа и местоположение способствовали этому, а в других местах они оказались под покровом земли.

– А мы имели какую-нибудь связь с египетскими пирамидами? – спросил Сосо.

– Да, имели. И притом прямую, учитывая, что фараоны первых и последующих династий были родом из древней Колхиды. Все развитые страны и народы, которые имели связь с высшим разумом, были связаны между собой.

В наш язык и письмо вложена эта связь – как с высшим разумом, так и с другими народами. Мы плохо знаем нашу историю, особенно древнюю. Хотя у этого есть и объективные причины. Знаем ли мы истинные значения слов, характерных для нашего языка? Откуда слово произошло? Почему оно сохранилось у нас, а не у других племен? Вот, например, слово «генацвале», которое мы часто используем, откуда оно идет и что означает? Или знаете ли вы, что означает слово «химера»? Для нас это что-то неопознанное.

Древние хеты рисовали химеру как неопознанное существо, с лицом и верхней частью тела женщины, остальная часть тела была львиной, а хвост – змея с разинутой пастью. Тысячелетиями до того, как сформировалась грузинская нация, эта пиктограмма для древних хетов означала судьбу, так же как и «ген» у этрусков означало женщину, «ац» – змею, «вале» – льва.

Хеты разговаривали на подобном этрусскому языку, то был родственным языку колхов. Хеты это слово произносили как «кинасэфале», этрусски – «генацвале». Это означает только то, что у колхов и иберийцев с ними была не только генетическая, но и языковая связь.

– Значит, химера означало генацвале? – удивленно спросил Дмитрий.

– Именно так и было. Химера была космическим существом, которого хеты так изображали. Грузины химеру рисовали по-другому, часто с головой орла, но это было также зашифровано и имело то же значение. Было найдено много пиктограмм с таким изображением химеры, которые удостоверяют эту связь.

– Георгий, хочу тебя спросить, – опять продолжил Сосо Нибладзе. Георгий ему кивнул. – Как ты думаешь, почему мы не справились с проблемами? Будто у нас был такой шанс, но мы его не использовали. Мы страна такой большой и древней культуры, но благодаря нашей нетерпимости друг к другу нам трудно найти общий язык, и мы снова оказались в чужих когтях, причем под более жестоким и деспотичным правлением!

– Тихо, Сосо, все же не надо, ты же знаешь... черт не спит. – Приглушенно сказал Дмитрий.

– Сейчас хочешь тише, хочешь нет, и все равно у всех Сибирь на спине висит, – улыбаясь парировал Сосо.

– А разве в этом есть что-нибудь удивительное? Вся история только обличает человечество в человеконенавистничестве. Исключением не является и история Грузии. Насколько больно общество, настолько оно получает объем и масштабы собственных проблем. Так повелось изпокон веков и так будет. Неисправимы человек и то общество, когда для своих эфемерных и мизерных успехов – которые только временны, как и насыщение человека, – готовы разрушить и испепелить все то, на чем основано развитие человека и нации. Исцеление такого больного будет трудно. Фундаментом нации являются любовь, добродетельность и единостояние. Без этих трех принципов, не были бы возможны ни эволюция человечества, ни создание нашей нации еще в древние времена. Ведь наша нация и ее культура созданы еще до того, как она стала именоваться картвелской, то есть грузинской нацией. Как бы вас ни удивляло, это было еще до Иберии и Колхиды. И дело тут не в собственном имени, а в тех фундаментальных принципах, о которых я уже упоминал. Именно эти принципы определили становление нашей нации. Именно это обусловило нашу сплоченность в единый кулак.

– Тогда что же произошло с нашей культурой и нацией? – вновь спросил Сосо.

Остальные внимательно слушали.

– Наша культура осталась в прошлом. Ею уже питается человечество, оно успело трансформировать ее и добавило свое. Однако для себя мы ничего не оставили, поэтому для нашей нации уже давно настал новый этап. Мы теперь нация без пути. Наверное, еще долго будем блуждать в поисках своего пути. Это сложная и долгая дорога поиска. По этой дороге должны пройти, может быть, еще десятки поколений. И в этом нам никто не поможет, кроме собственной исторической памяти и генетического кода. Все остальное только собьет нас с пути. Когда-то мы были культурной нацией, возможно даже идущей впереди, когда формировался культурный и социальный фундамент нового человечества. Однако сейчас мы далеки от нашей истинной культуры. Именно это делает невыносимым наше совместное существование, какую социально-политическую систему мы бы ни приняли. Этому способствует и наш духовный кризис. И это не так скоро закончится. Возможно, не хватит и века, чтобы мы, грузины, взяли за ум. То, что происходит сегодня, является этому подтверждением. Безграничная жестокость и массовое гонение общества являются несомненным знаком этой болезни. Все думаю, не исполнила ли наша нация свою историческую миссию в биологическом и социальном развитии человечества? Может уже не стоим мы даже ореховой скорлупы? Возможно, это звучит обидно для нашего уха, но если пересмотреть историю человечества, возможно, и не так будет обидно: ведь множество культурных наций брали на себя эту ношу и выполняли ту же миссию,

а от них не осталось и следа! Это обыкновенный самообновляемый биологический процесс, перевоплощение одного в другое, что способствует и социальному росту. Однако мое параллельное мышление, которое постоянно оппонирует моему активному, каждодневному житейскому мышлению, диктует мне совсем другое, и эта подсказка опирается именно на наш генетический код: оказывается мы еще не исчерпали нашу биологическую миссию в глобальном процессе, но находимся не в стадии поиска, а в стадии своеобразного сна, хранящего резерв человечества... Однако мы же не знаем, что собирается сделать Творец и что он нам готовит на будущее...

Все были в задумчивости, когда прозвучал грохот задвижки, и тревожно уставились на дверь. Вошел офицер и зачитал список.

– Готовьтесь к этапу. На все 15 минут.

– Ведь я же говорил? Не знаем, что нам готовит Творец, – с улыбкой произнес Георгий и стал собираться.

* * * * *

Уже через два часа осужденный за антисоветскую деятельность Георгий Ликокели, с десятилетним сроком без права переписки, оказался в товарном вагоне эшелона, переделанного для перевозки заключенных в Сибирь. Георгий лежал на нижней полке, а над ним – Васо Маглапери, его первый знакомый в тбилисской тюрьме.

В вагоне было намного больше заключенных, чем могло поместиться, однако на третий месяц пути вагон практически опустел, когда пятнадцать умирающих и десять покойников вынесли одного за другим. Заключенные уже начинали бунтовать, но опытные люди знали, что это привело бы только к расстрелу на месте. Поэтому и остановили тех, у кого сдали нервы. В вагоне уменьшилось число людей, и воздуха стало больше, но похолодало. Угля давали мало для единственной печки. Все в вагоне болели, непрерывно были слышны кашель и стоны. Георгий не успевал переходить от одного больного к другому. Он старался помочь им без лекарств, многим и вправду помог. Заставлял Васо десять минут дышать в пропитанный соленой водой платок и постоянно носить повязку. Заставлял в день несколько раз делать дыхательные упражнения. Все старались прильнуть друг к другу, укутаться хоть во что-нибудь, постоянно кипятили и пили воду. Только лишь Георгий ходил по вагону в одной рубашке, а свою робу (ватную телогрейку) надел на Васо. Через тонкие стены вагона со всех сторон со свистом врывался ледяной ветер. Чем только не затыкали щели между досками, однако это не помогало. Снаружи было минус сорок. При движении поезда мороз усиливался, а в вагоне становилось еще холоднее.

В течение трех месяцев пути они пережили кошмарные дни. Многие скончались из-за разных болезней, живые висели на волоске, и только Святой Дух держал в руках их души. Почти на каждой остановке из вагонов выносили несколько трупов, а эшелон останавливался часто. Иногда целыми неделями стоял в заснеженной степи, будто специально, чтобы как можно больше людей погибло от голода, холода и болезней. В этом вагоне у человека со слабым здоровьем не было шансов выжить. Большинство заключенных и до этапа были больны, а дорога их вконец доконала.

В Чите почти опустевший эшелон заполнили заключенными из других эшелонов и теперь продолжили путь в юго-восточном направлении, к китайской границе. Через неделю приблизились к реке Аргун. До Маньчжурии и вправду оставалось недалеко, и дорога была перегружена.

Несмотря на то что после конфликта у реки Халхин-Гол и озера Хасан в 1938 году железнодорожную линию Маньчжурского участка Транссибирской магистрали Советский Союз передал японцам, контроль по этому направлению оставался стратегически важным. Китайско-японская война вошла в новую фазу, вдоль линии маньчжурской границы советские вой-

ска должны были находиться в боевой готовности, так как от марионеточного правительства Маньчжурии постоянно ожидалась новая провокация. Этот отрезок железнодорожной линии до границы Маньчжурии оставался главной транспортной артерией. Во второй половине дня эшелон опять перешел на запасный путь и остановился. Конвой начинал обход, чтобы вынести из вагонов умирающих или скончавшихся.

Стоял апрель 1939 года. Снег уже начинал таять, хотя до настоящей весны было еще далеко. Находясь в дороге, они узнали много обнадеживающих новостей. Был освобожден от должности комиссар НКВД Николай Ежов, а вместо него был назначен его заместитель Лаврентий Берия. До них дошел и разговор офицеров, что, мол, политика НКВД смягчится и зарплата повысится. А через два дня начались разговоры о том, что Ежова и его бывших заместителей арестовали и, скорее всего, в их рядах начнется чистка. Некоторые с надеждой говорили, что репрессии закончатся и многих освободят. Сталину, дескать, его комиссары подают неверную информацию о происходящем в тюрьмах, колониях и лагерях.

Открылась дверь вагона, и офицер крикнул, чтобы вышел заключенный Ликокели. Это стало обычным явлением, так как он был единственным врачом в эшелоне. Когда кто-нибудь умирал, звали его. И Васо всегда сопровождал Георгия как помощник врача или фельдшер. И вправду, Васо многому научился в пути, чтобы их не разлучили и они вместе справились с этим адом. И на этот раз Васо подошел к двери. Георгий спрыгнул с подножки вагона, а солдат сразу же сказал Васо, что зовут только Ликокели, и перед его носом закрыл дверь. Георгий повели к грузовой машине, которая стояла у железнодорожного шлагбаума. Георгий сразу догадался, что ведут не для осмотра заключенного. Однако ни о чем не спросил. У грузовика стоял начальник эшелона капитан Стручко, а рядом с ним молодой капитан с эмблемой пограничника. Борт машины был откинут, и Георгий сразу же заметил три трупа, прикрытых брезентом. Были видны лишь ноги, а рядом на шинели лежал мужчина средних лет с погонами полковника и тяжело стонал. Капитан НКВД сразу же спросил:

– Ты врач?

– Да.

Он поднялся на борт грузовика, присел на корточки и осмотрел пострадавшего. Тот был весь в крови. Георгий спросил:

– Что с ним произошло?

– Машина перевернулась, и он сильно покалечен.

– Он пограничник?

– Нет, он начальник строительства железной дороги на отрезке Аргун.

– Где у него перелом?

– У него открытый перелом бедра и переломаны рука и плечо. В этой машине погибли трое. Полковник все еще жив, однако... Мы перевязали его как смогли.

Георгий осмотрел пострадавшего. Положение было крайне тяжелым.

– Немедленно надо перевезти его в больницу, может, спасут. Видно, потерял много крови.

– Ближайшая в ста двадцати километрах. Пограничный лазарет – в семидесяти. Здесь ближе всего китайцы.

– Возможно, до больницы не дотянет, – сказал Георгий. – У вас имеются какие-нибудь медикаменты?

– Что-то есть, но не знаю, пригодятся ли они вам...

– Где-то есть хотя бы деревня?

– Да, в десяти километрах маленькая деревня, однако...

Капитан замешкался и посмотрел на начальника эшелона. Тот, сразу же оценив ситуацию, спросил Георгия:

– Ликокели, здесь ничего не сможешь?

– Это невозможно, он умрет у нас на руках. Шансов выжить, может, всего тридцать процентов. Может быть, в деревне как-то поможем...

– Что делать? – капитан обеспокоенно посмотрел на начальника эшелона.

– Ничего не могу сказать, мы скоро тронемся и...

– Я приму заключенных под свою ответственность, а после доставлю их на место. До вашего лагеря отсюда близко. Тем более заключенные будут находиться под началом управления строительства железных дорог. Примите решение, капитан, его жизнь в ваших руках!

– Внештатная ситуация... Вы же понимаете мое положение?

– Да, понимаю, и беру на себя ответственность. Эта территория находится под контролем нашего гарнизона.

Больной сильно стонал. Георгий взял его руку, чтобы немного успокоить. Потом сказал:

– Я один не смогу помочь, мне нужен мой фельдшер. Приведите Маглапери с вещами!

Если не поспешим, все теряет смысл, никто ему не поможет.

Офицеры переглянулись.

– Где один, там и второй, – сказал пограничник и посмотрел в глаза начальнику эшелона.

– Хорошо, согласен. Только не подведите, иначе трибунала мне не избежать.

– Слово чести офицера! – коротко сказал пограничник.

Капитан Стручко повернулся к сержанту и приказал:

– Наумов, приведи Маглапери с вещами обоих, скорее! И захвати их анкетные карточки, – добавил он и вновь повернулся к коллеге: – Вы должны дать мне все данные.

– Добро.

– Мне нужен спирт и все медицинские инструменты, все, что у вас есть. Принесите все имеющиеся лекарства, – обратился к обоим Георгий.

– Все, что найдем, все отдадим, только пообещайте, Георгий Алудаевич, что даже не допустите мысли о побеге.

– Для того чтобы десять лет заменить расстрелом? – с саркастической улыбкой ответил Георгий.

Офицер был доволен ответом.

– А ваш друг?

– Что он, маленький несмышленный мальчик? – вернул вопрос Георгий. – Наоборот, у меня появилась надежда, что, если мы спасем этого человека, возможно, нам облегчат наказание...

– Мы позаботимся об этом, – заверил пограничник.

Затем офицеры отошли в сторону и обменялись данными. Привели и Маглапери с вещами. В это время послышался гудок отправляющегося паровоза. Подбежал солдат и принес аптечку, но в ней, кроме перевязочного материала, ничего не было.

На границе Китая, на Аргунском участке, поблизости от железной дороги было одно маленькое село, заселенное охотничьими семьями. Всего шесть-семь домов. Пограничники его так и называли «охотничье село». Оно служило опорным пунктом пограничникам, население заслуживало доверия. Их даже называли внештатными пограничниками.

Вошли в дом некоего охотника Демьяна.

Мужчина средних лет жил в этом доме со своей женой. Был он старостой села и считался доверенным лицом пограничников. Внешне было трудно определить, китаец он или монгол, но это только для неопытного глаза. Обликом он и вправду был похож на китайца, однако, как выяснилось позже, он был русским. Во всяком случае, так он утверждал. Его жена Дарья была дородной русской бабой. Она являлась потомком семьи народников, сосланных в Сибирь еще в XIX веке.

Рядом, по соседству, жил их сын со своей семьей. Он тоже был охотником, а его жена ждала третьего ребенка. По словам Демьяна, его второй сын работал в Улан-Удэ. Демьян со своей женой временно перешли к сыну, а свой дом уступили людям, ухаживающим за больным.

Очень чистая и ухоженная изба с низким потолком стояла на чурбанах. Большая комната с двумя маленькими оконцами и спальня. Между ними выложена традиционная русская печь для обогрева обоих помещений. Большая кухня и холодная кладовка. У входа в избу был пристроен маленький коридор с пятью ступеньками.

Как только в село привезли полковника НКВД, сразу же все засуетились. Георгий попросил перенести стол в середину комнаты и потребовал срочно вскипятить воду, принести ножи и все острые предметы. Поручил Васо остро заточить и прокипятить их, также подготовить несколько дощечек для наложения на переломы. Уже вечерело, и он велел принести лампы из села.

Пока кипятили воду и готовили инструменты, капитан и хозяин дома присели на тахту.

– Что случилось, товарищ капитан? – спросил Демьян. – Как произошло такое?

– Николай Георгиевич со своим участковым инженером были вместе с нами. Оползень в нескольких местах повредил железнодорожное полотно. Мы поехали осмотреть истоки оползня для подготовки укрепительных работ. Это наша подконтрольная зона, поэтому начальник гарнизона отправил меня сопровождать их. Мы уже осмотрели два места и тронулись к третьему. Впереди шел грузовик. Николай Георгиевич сидел в кабине с водителем, в кузове сидели участковый инженер и один мой солдат. Я следовал за ними на второй машине. Мы переехали один холм, выехали на плато, потом поднялись на другой холм, но там оказывается сошел оползень, машину занесло, и она заскользила вниз. В одном месте машина пошла юзом, задним колесом зацепилась за выступ скалы и перевернулась. Упала вниз метров с тридцати. Несколько раз перевернулась. Все, кто был в машине, кроме Николая Георгиевича, погибли. Я не знал, что делать. Еле достали тела и тронулись в сторону железной дороги. А там наткнулись на этот эшелон. Может, этот грузин хотя бы Николая Георгиевича спасет, – с надеждой сказал капитан.

Георгий приступил к подготовке больного. Обработал спиртом раны и дал ему выпить разбавленный спирт. После этого начал обрабатывать и мять точки на руках, плечах и ногах и, воздействуя на них, будто бы снял боль. Затем, нажав на углубления ниже уха и на шее, усыпил его.

Пока Георгий готовил больного к операции, из села принесли столько керосиновых ламп и так осветили всю комнату, что казалось – электричество зажглось. Все стояли у чуть открытой двери и смотрели, только жена Демьяна Дарья суетилась около них: выносила окровавленные тряпки и подавала нужные вещи.

Больной иногда вскрикивал, но как только Георгий ему что-то шептал на ухо, он сразу же успокаивался. Происходило чудо, причем на глазах у всех. Без всяких болеутоляющих больной, кажется, не чувствовал боли. Может, и чувствовал, но мог терпеть. Как это было достигнуто, знали только Всевышний и Георгий.

Все, затаив дыхание, ждали, когда закончит доктор и какой приговор вынесет. Спустя два часа в забытой Богом избушке этот кошмар закончился и заново собранного, заштопанного и полностью перебинтованного больного осторожно перенесли на кровать.

Георгий, довольный, посмотрел на Дарью и поблагодарил ее за помощь.

– Да благославит Господь ваши золотые руки и сердце. Спасется? – с надеждой спросила женщина.

– С Божьей милостью и вашей помощью шанс у него появился. Он и сам оказался мужественным человеком.

Георгий снял окровавленную рубашку и сказал Васо:

– Отдай рубашку постирать.

Женщина взяла у обоих рубашки и унесла. Сам же Георгий направился к выходу. Капитан все еще стоял у двери и наблюдал оттуда. Молча прошел мимо капитана, взял свою робу, накинул на себя и вышел из избы. Довольный и с чувством исполненного долга, глубоко вдохнул холодный, прозрачный, весенний сибирский воздух и присел на бревно у двери дома. Через минуту к нему присоединился Васо, достал из кармана кисет и начал завертывать махорку. Подошел и капитан, достал из кармана кителя коробку папирос «Беломор» и протянул обоим, мол, угощайтесь. Георгий только головой покачал, мол, не курю, Васо в знак благодарности кивнул головой и достал из коробки одну папиросу.

Капитан присел возле Георгия. Все молчали, и это молчание располагало к раздумьям о вечном, но капитан не выдержал и заговорил.

– Георгий Алудаевич, как вы думаете – спасется?

– Он пока спاسся, капитан, но завтра и послезавтра его ожидают очень трудные дни. Если привезти лекарства, у него будет больше шансов. Мы что могли, сделали.

– Я все видел и скажу, что восхищен вами. Наверное, и вправду судьба послала нам вас. Как вы сумели добиться того, что Николай Георгиевич не орал, когда вы вправляли ему переломы?

– Это давняя история.

– Что за история? – не унимался капитан.

Демьян тоже вышел во двор и внимательно слушал их разговор.

– Это наша семейная и родовая тайна, которая на протяжении многих веков шла ко мне. Мои предки больше тысячи лет почти все были целителями, они знали много таких методов лечения, которые неизвестны современной медицине...

– Я доложу все руководству, а сейчас мне надо ехать. И за покойниками надо присмотреть. К завтрашнему дню, может быть, привезу какие-нибудь лекарства. Здесь оставлю лишь моего солдата, и... – не закончил капитан.

Георгий догадался, что тревожит капитана, и спокойно сказал:

– Не волнуйтесь, капитан. Лучше поспешите. Может, привезете лекарства, содержащие опиум и морфин.

Георгий дал ему список обязательных лекарств и проводил, надеясь, что к завтрашнему дню он что-нибудь достанет.

На другой день вместе с капитаном приехали командир пограничного гарнизона и врач. Привезли только энзим и кислоту микофенола, которая обычно использовалась против сибирской язвы. Было чудом, что и это нашли.

Прибывшие не могли скрыть своего удивления, что в этой избе была проведена сложнейшая хирургическая операция старой бритвой и охотничьими ножами, при свете керосиновых ламп. Гарнизонный врач сказал полковнику, что нигде не читал и не слышал о чем-нибудь подобном. Полковник долго и крепко пожимал руки Георгию и Васо, благодарил их.

У больного начался воспалительный процесс, и поднялась температура, поэтому друг не смог с ним долго разговаривать, только несколько слов сказал:

– Спасешься, Николай Георгиевич, обязательно спасешься! У тебя такой волшебный врач, что и мертвого оживит. Через три-четыре дня переведем тебя в районную больницу, и скоро встанешь на ноги!

Больной лишь только покачал головой и тяжело произнес:

– Спасибо друг. У меня просьба будет – присмотрите за этими людьми.

– Присмотрю, Николай Георгиевич, присмотрю!

Капитан привез двух солдат, чтобы они дежурили, сменяя друг друга. О транспортировке больного говорить было еще рано. В это бездорожье он не перенес бы путь в сто двадцать километров.

После операции было два тяжелых дня. Из сухих трав, которые выбрал Георгий у охотников, сварил он какое-то лекарство и давал больному выпить вместе с медом. У Демьяна оказались медвежий жир и мумие, Георгий приготовил мазь и смазывал ею больного. Вместе с этим он проводил лечение древнекитайским методом – точечной акупрессурой. На третий день у больного спала температура, и ослабли боли. Кризис был преодолен, и вместе с больным все были в хорошем настроении, однако о его перевозке разговор еще не шел.

Жители маленького села тоже приходили к целителю, и Георгий, не раздумывая, выслушивал, осматривал и давал им советы. Некоторым выписывал лекарства, которые надо было приобрести, а некоторым рецепт – из чего и как приготовить. В знак благодарности все приносили что могли: мед, вяленое мясо. Георгий отказывался, тогда Демьян сам принимал приношения.

Наступил май, вместе с дождями прибавились и солнечные дни, но дороги еще больше испортились. Решили с перевозкой больного не торопиться. Капитан каждый день приносил лекарства, и это облегчало состояние больного.

Вдруг вечером прибежал к Георгию Демьян:

– Скорее, у моей невестки начались роды, дождь со снегом за эти несколько дней еще больше испортили дорогу, до больницы не довезем!

После небольшого совещания сержант разрешил Георгию и Васо оставить дом, и сам пошел с ними. А рядового солдата оставили с больным для присмотра.

В полночь родилась девочка, третий ребенок в семье. Георгий принял роды, а Васо и Дарья лишь помогали ему.

Было за полночь, когда Демьян заметил, что сержант заснул на кухне.

Воспользовавшись моментом, он обратился к Георгию. Спросил по-китайски:

– Доктор, вы бывали в Китае?

Георгий спокойно посмотрел на него, улыбка чуть тронула его губы, и лишь кивнул головой.

– Я догадался, что приобрести такой опыт вы смогли бы только в Китае, – тихим голосом продолжил Демьян. И прибавил: – Если вы решите перейти границу, я безопасно проведу вас, а там вы пойдете к близкому мне человеку, и он вам поможет. Вы хороший человек, доктор. Стоит рискнуть для такого человека. Они не смогут тронуть меня и мою семью, я им нужен. Я все устрою так, что даже не дам им повода меня подозревать.

– Не знаю, трудно решить, – после недолгой паузы ответил Георгий.

– Я утром иду на охоту. Если вас не увезут сегодня, вечером сбежите и пойдете в нужном направлении. Я вас там встречу. Так проведу, что не встретите ни одного пограничника. Погода легко стирает след. Другого момента может и не быть. Вам с вашим умом не трудно будет совершить побег. Вы знаете лучше меня, доктор Георгий, что если намереваешься что-то совершить, то надо делать это немедленно и не упускать свой шанс. Неизвестно, сможешь ли сделать это потом!

– Согласен, Демьян. Умно сказано.

– Да, кстати, все хотел спросить: ваш друг Васо, кто он? – перешел на русскую речь Демьян.

– Филолог, – с улыбкой ответил Георгий.

– Это еще что?

– Он специалист по литературе. Притом учитель.

– А откуда он знает фельдшерство?

– Нужда научила, и я помог.

– Знаете, я думаю, это правительство не заслуживает того, чтобы такие люди, как вы, служили ему.

– А вы Демьян, не только охотник, – спокойно сказал Георгий и посмотрел ему в глаза.

– Уж не знаю, доктор, кто я, но знаю только то, что вы должны уйти отсюда и спасти себя. Я слышал от одного офицера, что в прошлом году сто тысяч человек погибло в лагерях... Выбор за вами. Что бы вы ни решили, я все равно буду вас уважать.

– Затрудняюсь так быстро ответить. Но оставить сейчас Николая Георгиевича будет неправильно.

– Если не сегодня, то завтра привезут другого врача и отправят Николая с ним в район. Поэтому и говорю: не потерять бы шанс, ночью бы ушли. Я все равно все подготовлю, а там будь, что будет.

Георгий слушал Демьяна и все больше убеждался в том, что это не провокация, это было искренним желанием Демьяна, чтобы он и Васо оказались на свободе. Было видно, что за то добро, которое от него получили Демьян со своей семьей и в целом все село, ему хотелось вернуть тоже добром. Но не всегда ведь за добро платят добром! Есть же русская пословица: «Не делай добра и не получишь зла». Возможно, и это правда, однако здесь все же другая ситуация. Не думаю, чтобы в ответ на наше добро обречь он нас на смерть.

Так думал Георгий, когда опять слова Демьяна вывели его из раздумья.

– До границы всего пятнадцать километров, за ней трех километровая свободная зона. А оттуда ближайший пункт в семи километрах.

– Почему рискуете, Демьян, какой у вас интерес? – все же спросил Георгий, хотя, может быть, и не стоило задавать этот вопрос. Даже если у него был интерес, это он бы утаил.

Демьян спокойно встретил вопрос и при свете лампы заглянул Георгию в глаза.

– Никакого, – коротко сказал.

Через некоторое время добавил:

– Жаль мне вас оставить у них. Решайте до утра, а я пока уйду. Так будет лучше.

Все еще было темно, когда Георгий с Васо вместе с сержантом вышли из дому и направились к дому Демьяна. Всего им предстояло пройти пятьдесят метров. Георгий по грузинский обратился к Васо:

– Демьян предлагает нам перейти в Китай. Говорит, что проведет без проблем. Что скажешь?

Васо медлил с ответом. Это было неожиданно для него. Да, оба думали о том, как выбраться из этого ада, но разве всегда говорит человек то, о чем думает?

– А что ты скажешь? – вернул вопрос старшему другу.

– Я скажу, что дорога назад будет отрезана навсегда.

– Есть шанс?

– Какой-то шанс имеется и, видимо, не маленький.

– Можно ему доверять?

– Он кажется искренним, но... Всегда существует НО. Говорит, что отсюда выведет, а на той стороне поможет его человек.

– Тогда надо идти.

– Ты готов?

– Да, готов.

– Тогда пойдем, – твердо сказал Георгий и добавил: – Завтра ночью пойдем.

Уже светало, когда в кладовку вошел Демьян. Что-то хлопотал, готовился к охоте. Сержант спал, а рядовой сидел в маленьком коридоре между комнатой и выходной дверью.

Георгий и Васо лежали рядом, но не могли уснуть. У Георгия в голове вертелись слова Демьяна: «Если намереваешься что-то совершить, надо делать это немедленно и не упускать свой шанс. Как будет потом, все равно неизвестно»...

Или принимай решение сразу, или, если сомневаешься, то лучше не принимай его вообще. Многие решает интуиция.

Через полчаса солдат опять проводил Георгия в соседний дом, а сам остался у входа. Георгий навестил мать и новорожденного. Оба сладко спали. Демьян повел Георгия на кухню и объяснил маршрут: по какому направлению они должны были идти ночью и где бы их встретили. Сказал, что в кладовке дома он оставил им мешок с унтами, чтобы было удобнее идти, и двустольный обрез, на случай если встретят зверя. А также два тулупа и теплые шапки. Из избы они вышли вместе, и Демьян сказал ему и солдату:

– Сегодня отметьте рождение моей внучки без меня, а завтра уже с шашлыком из свежего мяса отметим вторично. Пожелайте мне удачи!

И бодрым шагом направился на север.

В тот день, кроме капитана, никто не приходил. Капитан пообещал завтра привести врача и перевезти больного в район. Сказал им, что завтра и их увезут в гарнизон, а дальше решат вопрос его и Васо.

Георгий спросил:

– Капитан, можно мы тоже проводим его до больницы, чтобы я был спокоен?

– Да, конечно, – подтвердил капитан, – наоборот, это даже лучше!

Вечером пришел сын Демьяна Дима с угощением и водкой. Стол подвинули к постели больного и хорошо повеселились. Вместе с рождением ребенка отмечали и спасение Николая Георгиевича. От грузинских тостов у полковника появился здоровый цвет лица, он развеселился. За эти дни Георгий и Васо тоже немного пришли в себя после нескольких месяцев голодания.

Поздно, когда все уже крепко спали, Георгий встал, оделся и разбудил Васо. Вынесли мешок из кладовки и так тихо прошли мимо спящего солдата, что тот даже не шелохнулся. Спокойно вышли наружу, прислонили к двери бревно, заклинили его и пошли в направлении, которое им указал Демьян. Через некоторое время вошли в глубь смешанного леса, где почувствовали себя более безопасно. В лесу ими овладело такое чувство, будто они вырвались из ада и шагнули прямо в рай. Для них раздумья потеряли всякий смысл. Уже не надо было думать, как спастись. Они были счастливы тем, что приняли смелое решение и теперь чувствовали вкус свободы. Пусть даже это счастье будет коротким!

Поднявшиеся до небес деревья придавали мрачность дремучему лесу. Чем больше Георгий и Васо углублялись в лес, тем больше тонули во мраке. Глаза уже привыкли к темноте, и им было легче прокладывать путь. Местами сохранившийся снег светил островками и помогал находить тропу.

Будто и природа была на их стороне. И космос помогал своей ночной прислужнице, которая иногда высвобождалась из объятий тяжелых туч и поглядывала на них, подбадривая. Лунный свет хотя и чуть-чуть, но все же проникал в глубь леса, и этого было достаточно, чтобы найти дорогу. В этом направлении они удлиняли себе путь, но главным было – ни на кого не напороться! Поэтому Демьян и выбрал им этот маршрут. Не сильно морозило. Для Георгия одежда была слишком теплой, ему скоро стало жарко.

Волнение уже прошло, и они твердо шагали в глубину леса. Двустольный обрез, заряженный жаканом, висел на плече у Васо, и это их обнадеживало.

Погруженные в мысли, слаженным шагом продвигались они вперед. Глаз привыкает к темноте, когда человек остается на лоне природы и становится ее частью. В это время к нему возвращаются животные инстинкты. Вот и они стали частью природы. Им не нужен был даже тусклый свет луны – так хорошо они все видели. Легко обходили вырвавшиеся из земли корни деревьев, поваленные деревья и сломанные ветки, пни, оставшиеся от срубленных деревьев... Оба они были сыновьями того народа и той земли, где человек и природа едины. Поэтому первобытные чувства ими легко овладели, как истинными детьми природы. Память все оставила позади: и горечь, и ожидание смерти, и все то, что обрушилось на их головы. Их поглотила близость природы, головокружительное ощущение свободы и особый аромат ночного леса. Чем

далее они углублялись в лес, тем мощнее они вдыхали насыщенный сыростью и свободой лесной аромат.

Мрак медленно рассеивался. Уже хорошо виделся выход из леса. Там начинался рассвет. Георгий хорошо знал, что тот первый тускло-серебристый свет, который предвещал конец ночи, способен подарить новую энергию, влить в душу и тело очистительный эликсир. Знал хевсур, что это было лишь прелюдией прихода новой мистической силы, которая заключена в первом луче солнца, подтверждающего наступление дня. Он ускорил шаг. Оба промокли до нитки, хотя этого и не чувствовали. Что эта мокрота по сравнению с тем, что они душевно испытывали! Они так стремились вперед, к свободе, что ни минуты не отдыхали.

После целой ночи ходьбы на рассвете они вышли точно к маленькому руслу, на которое указывал Демьян. Нашли упавшую сосну и там остановились. Издали свистом Демьян дал о себе знать, мол, здесь я. Опытный охотник не подошел близко. Если бы напали на их след и дошли до этого места, они не должны были увидеть следы третьего человека.

Демьян издали показал жестами, куда надо идти, и они продолжили этот совместный путь. Было ясно, что накануне Демьян все разведал.

Но вот русло резко повернуло на юго-восток, и Демьян крикнул с другого берега:

– Сейчас я пойду вперед, а вы следуйте тем же путем. Если услышите свист, укройтесь в лесу и замрите. На два свистка продолжайте путь.

Несколько километров так и прошли. Но вот Демьян остановился. Подождал их и сказал:

– Не двигайтесь, не топчите место, где остановились, там и стойте. Слушайте меня. Сейчас перейдете русло и пойдете прямо в глубь смешанного леса. Через полчаса увидите две поваленные сосны и повернете в том направлении, в каком указывает большая сосна. В конце леса вам снова встретится маленькое русло ручья, там повернете направо и продолжите путь. Это уже свободная зона. На правой стороне будут две сросшиеся ели, переплетенные друг с другом. Потом увидите упавшее дерево для перехода через русло. Перейдете на другую сторону и продолжите путь прямо в глубь леса. Потихоньку спуститесь вниз и выйдете к реке Аргун. Вновь пойдете вправо, вверх по течению. Только не выходите из леса. В двух километрах увидите маленький залив. Два срезанных пня будут подсказкой. Ночью спрячьтесь там, а на рассвете, пока не рассеялся туман, перейдите реку. Огня не разводите и не пользуйтесь спичками. Река все еще покрыта льдом, только через две недели лед начнет таять и крошиться. Возможно, из-за такой погоды лед покрыт водой сверху, но не бойтесь – он все еще толстый и устойчивый. Даже если за вами кто-нибудь погонится на лошадях, они не осмелятся перейти по льду. Когда перейдете, переобуйтесь там и наденьте унты. После перехода реки идите налево. Если вам встретится китайский патруль, скажите, что вы гости Чун-Гана. Пусть проводят вас к нему. Если никто не встретится, в пяти километрах от реки вы увидите деревню. Дом Чун-Гана третий. Скажите, что хотите попасть в Пекин, и он вам поможет. Там вы найдете свое место и дело. Если что-то понадобится мне передать, вновь обратитесь к Чун-Гану. Было бы хорошо, если бы вы поехали в Харбин. Там у меня много близких, однако сейчас и там всем правят японцы. Для вас там опасно.

Потом Демьян велел Георгию повторить все, что он сказал.

Георгий подробно и точно все повторил, и довольный Демьян сказал:

– Доктор Георгий, вы очень умный и добрый человек. Я хочу, чтобы вы помнили мое к вам уважение. Надеюсь, все будет хорошо.

– Больше вас ничего не интересует? – спросил Демьян неожиданно.

– Кто вам Чун-Ган?

– Мой старший брат.

– Что-нибудь передать?

– Передайте, что у меня родилась внучка. И скажите, что вы принимали роды. Желаю мирной дороги. Сначала пойду я, а вы наступайте на мой след и так идите. Это на всякий

случай. Если ружье не понадобится, оставьте моему брату. В мешке найдете немного денег, чтобы хватило на первых порах. С миром!

– Прощайте, Демьян! Спасибо за доброту.

Демьян ничего не ответил, наклонил голову и пошел.

Утром сержант проснулся первым. Не увидев на тахте Георгия и Васо, обеспокоенный, бросился к двери, но дверь не поддавалась. Заорал и кинулся к солдату: мол, где грузины? От крика проснулся и больной. Солдат пролез через окно и открыл дверь снаружи. Поднялась суматоха. Заметались туда-сюда, но что они могли сделать? По правилам, надо было преследовать. Но где их искать? Бросились к дому сына Демьяна. Все оказались на месте, а Дима все еще спал после вчерашнего пиршества. Было件нятно, что идти в погоню пешком не имело смысла. Хотя и на лошадях следа не найдешь.

Днем приехал капитан с врачом и солдатами. Узнав о побеге заключенных, заорал, избил сержанта и рядового, грозился трибуналом. Допросил всех членов семьи Демьяна. После его позвал к себе Николай Георгиевич, чтобы поговорить с ним наедине.

– Что собираешься делать, Владимир? – спросил больной.

– Надо мобилизовать людей. Для меня их побег полная неожиданность. Они же не уголовники. Тюрьмы и лагеря не проходили. Оба порядочные люди, попавшие случайно в такое недоразумение.

– В том-то и дело, что случайно, по недоразумению, – подтвердил железнодорожник. – А из-за такого недоразумения – десять лет срока!

Капитан с удивлением на него посмотрел.

– Как бы нам не пришлось вместо них отбывать срок!

– Нет, скорее из-за меня, если бы со мной не случилось этого, мы бы не попали в такие неприятности.

– Нет, Николай Георгиевич, от этого никто не застрахован. Это могло произойти в тот день и со мной.

– Да, это так, Владимир, никто не застрахован! Ты, наверно, зол на них не меньше, чем на своих солдат? А я не зол на них, не могу. Вы, все вместе, подарили мне жизнь. Я не могу быть зол на них или ненавидеть их. Наоборот... Думаю, и ты также. Ты сейчас волнуешься о том, что если они перейдут границу, то на тебе повиснет двойная ответственность? Но ведь они не знают здешних мест, им перейти границу невозможно. Они скорее постараются бежать на запад, к дому, – это инстинкт. Но ведь никто не думал, что они могут бежать!

– В любом случае я должен объявить тревогу. И немедленно!

– Не спеши, Владимир, отпусти грузин, они достойный народ и заслуживают свободы. Остальное дело судьбы. Если сами не попадут в какую-нибудь ловушку, то мирно выберутся.

Капитан не ожидал таких слов от полковника НКВД, но сказанное – в глубине души – его задело. И не ожидая от самого себя, он кивнул головой в знак согласия.

Через некоторое время капитан вновь пришел в себя и спросил:

– Николай Георгиевич, как вы думаете, не Демьян ли помог им бежать?

– Не думаю. Когда у него родилась внучка, он радостный с утра убежал на охоту, чтобы угостить нас шашлыками из оленины. А для охоты на оленя он бы не пошел на юг. Обычно за оленем он ходил на север, к дому охотника. Я ведь однажды охотился там вместе с ним.

– Да, и сын его сказал то же самое. И сержант подтвердил. Правда оба были хорошо пьяны.

– Да, накануне все повеселились! И я маленько развеялся. Грузины хорошо умеют говорить тосты. Я не удивляюсь и твоим ребятам. Ну, где они могли видеть таких людей?..

* * * * *

Георгий и Васо быстрым шагом продвигались вперед и внимательно осматривались, чтобы не наткнуться на кого-нибудь. Не было ни единой души. Видно, в это время и вправду никто не патрулировал. Дойдя до конца леса, неожиданно напоролись на пограничника верхом на лошади и с немецкой овчаркой, которая уже скалила зубы. Пограничник крикнул:

– Ну-ка стой! – И направил на них карабин.

– Прикройся деревом и, как будешь готов, стреляй, – сказал Георгий и шагнул вперед, чтобы отвлечь внимание на себя.

Васо отпрыгнул на один шаг в сторону и укрылся за деревом. Собака бросилась в сторону Георгия. Прогрели два ружейных выстрела, а затем и выстрел карабина. Собака в прыжке летела на Георгия, но он сбил палкой прыжок и опрокинул ее на землю, а сам в ту же секунду навалился на нее, сжал кожаный ошейник и в пасть ей засунул шапку. Пуля пограничника попала в дерево, а сам он свалился с лошади. Васо подбежал к нему и отнял карабин у раненого. Схватил лошадь за уздцы, завел в лес и привязал ее к дереву. Собака уже скулила. Когда прибежал Васо, Георгий крикнул ему:

– Не убивай, я должен успокоить ее. Свяжи ей задние ноги, я уже еле держу.

– Солдат мертв? – спросил потом Георгий.

– Тяжело ранен. Обезоружен.

Связав собаку, оттащили солдата в глубь леса и положили возле собаки. Георгий осмотрел его. Пуля попала в грудь, он был обречен.

– На все воля Божья. У нас не было другого выбора.

– Если он был не один, то другие услышали выстрел. Они ведь знают, какую зону он патрулировал, – сказал Васо.

– Ты прав, тогда поведем и лошадь, и собаку, чтобы пересечь свободную зону. Потом собака приведет лошадь назад к хозяину. До того как его найдут, мы уже дойдем до места и там разберемся...

Он все же надеялся, что солдата спасут.

Георгий вновь подошел к собаке. Присел над ней и с такой силой крикнул ей в ухо, что собака вздрогнула. Георгий хлопнул ее по голове и снова крикнул. Повторил так несколько раз. Потом прошептал ей что-то на ухо и погладил по голове. Развязал лапы, но собака не встала. Заглянул в ее глаза и сказал:

– Вставай!

Собака тут же повиновалась.

– Пошли быстрее! – крикнул он Васо.

Васо постарался сесть на лошадь, но она не подпустила.

– Подожди, Васо!

Георгий подошел, потянул за узду, и лошадь наклонила голову. Что-то сказал ей на ухо и тремя пальцами – большим, указательным и средним – ударил по лбу. Лошадь заржала и встряхнула головой. После этого Георгий повторил все действия и сказал Васо:

– Попробуй теперь.

Васо взял у него уздечку и без проблем оседлал лошадь. Георгий сел сзади и свистнул собаке. Собака последовала за ними. Через русло перешли там, где указывал Демьян, и двинулись прямо. Уже в глубине леса остановились, собаку привязали к поводку лошади, и Георгий вновь что-то шепнул собаке, погладил ее и отпустил. Она побежала той же дорогой, по которой пришли. За ней последовала и лошадь.

Беглецы быстрым шагом шли вперед. Скоро начался и спуск. Еще было светло, когда они вышли к реке. Продолжили путь вверх по течению, по краю леса. Нашли и два срезанных пня, и мелкий залив. Там приостановились, чтобы перевести дух.

– Васо, думаю, мы сейчас же должны перебраться через реку.

– Могут увидеть.

– Может быть, но надо попытаться. До утра у них много времени и больше шансов для поисков. Видишь, уже и туман плывет по реке, сейчас немного стемнеет и видимость ухудшится, издали нас не заметят. Лучше переночевать на другой стороне.

– Как скажешь, – согласился Васо.

Настала глубокая тишина, даже река затаилась без шума подо льдом. Уже вечерело, когда вдали послышался собачий лай. Одновременно посмотрели друг на друга, и оба без слов двинулись к реке. Георгий взял карабин и осмотрел весь берег. Никого не было видно. Из-за дождя верхний слой снега на льду растаял, поэтому им приходилось идти небольшими зигзагами. В этом месте река была сравнительно уже, и они быстро дошли до другого берега.

Аргун был почти преодолен, когда собачий лай стал усиливаться, и у берега они разглядели силуэты двух всадников. Быстро пробежали подъем и скрылись в лесу.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

До деревни почти дошли, и никто им не повстречался. Уже стемнело, но дым, поднимающийся из дымоходов, был хорошим ориентиром. Заметили двух всадников, когда были уже совсем близко к деревне, однако вовремя укрылись в лесу, пока всадники не проехали мимо.

Дом Чун-Гана нашли легко. Чем-то эта деревня даже была похожа на деревню Демьяна. Такая же маленькая.

Дверь открыл молодой парень. Когда Георгий по-китайски спросил Чун-Гана, он посмотрел на них удивленно, подозрительно оглядел с ног до головы, осмотрел дорогу, нет ли кого, и только после этого кивнул головой и проводил в дом.

С первого же взгляда ими овладело чувство, будто вернулись в избу Демьяна. Это чувство еще больше усилилось, когда Чун-Ган вышел из комнаты и встретил гостей. Он был похож на брата, как две капли воды, хотя оказался на два-три года старше Демьяна. Семья Чун-Гана была состоятельная. Он жил вместе со своим младшим сыном. Дочку выдал замуж в этой же деревне, а старший сын был военным и служил на границе.

Хозяин хорошо принял гостей. Когда Георгий рассказал о его брате, он, довольный заметил: Део не меняется.

Гости успокоились, почувствовав себя в безопасности.

На второй день Чун ушел куда-то. Его сын сказал только то, что отец ушел по делам и вернется во второй половине дня. Но он появился в полдень вместе с молодым офицером Маньчжурской пограничной армии. Когда гости увидели военного, у них изменились лица. Первое, что промелькнуло в головах, было: не предал ли он нас? Обеспокоенные, они переглянулись, но доверились судьбе.

Офицер уже все знал о них от Чун-Гана, знал и то, что без Демьяна они бы не смогли добраться до Маньчжурии. Несмотря на это, он все же задал много вопросов. Долго беседовали, и в конце офицер сказал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.